

РУССКИЕ ЗВЕЗДЫ

Александр
Громов

1000 И ОДИН ДЕНЬ

Александр Николаевич Громов

Тысяча и один день

Серия «Мир матриархата», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132703
Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-19031-7

Аннотация

Матриархат будущего. Мир амазонок XXIII столетия: мужчины порабощены, нет ни войн, ни кризисов. Человечество изжило опасность самоуничтожения. Что может ему угрожать?

Опасность приходит из космоса. Земля, летящая вместе с Солнцем к созвездию Геркулеса, вторгается в область пространства, контролируемого другой цивилизацией. Невольные «агрессоры» подлежат тотальному уничтожению.

Лишь один-единственный мужчина способен спасти цивилизацию. Но кто даст ему воспользоваться плодами победы? Победитель не нужен уже никому – и ему снова готовят участь раба!

Содержание

ПРОЛОГ	4
Часть I	15
Глава 1	15
Глава 2	43
Глава 3	70
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Александр Громов

1000 и один день

*До появления Двускелетных люди и эксмены
жили на Земле в мире и гармонии.
Новейшая детская энциклопедия, 2226 год.*

ПРОЛОГ

Вибрация корпуса стихла.

Широкофюзеляжный длиннокрылый самолет наконец втащил свое толстое туловище на нужную высоту, лег на курс, и пилотесса сейчас же сбросила тягу двигателей с маршевой до экономической. Привычка. Я усмехнулся про себя. Как бы ни спешили мои сопровождающие доставить меня на Филиппинский Морской Старт «Юдифь» и сдать с рук на руки, никто ради них не почешется. И уж подавно не станет зря жечь дефицитное горючее без специального приказа, заверенного десятком подписей высокопоставленных лиц. По собственной инициативе пилотесса никогда этого не сделает, разве что для спасения судна и пассажиров в случае какого-нибудь катаклизма. И поэтому мы будем лететь не десять часов, как могли бы, а все четырнадцать.

Положим, катаклизм уже обозначился. Но до него еще два с половиной года, как считалось сравнительно недавно, — и

целых два года восемь месяцев и несколько недель, по уточненным данным.

Есть еще время. Нет причины разрушать привычный уклад. Так им кажется.

Нас редко возят воздушным транспортом. Куда дешевле и практичнее доставить партию рабочих по железной дороге или по воде. Почти единственное исключение: транспортные самолеты, вертолеты и дирижабли для экстренной переброски аварийно-спасательных бригад или, например, десантирования пожарных в горящую тайгу. Но чтобы везти одного-единственного эксмена, да еще пассажирским рейсом, да еще в битком набитом туристском классе...

Чего только не бывает.

Случайно или намеренно мы заняли место в хвосте салона. Наверное, намеренно. Эти места дольше других остаются непроданными. Мы подкатили к самолету перед самой уборкой трапа, так что нам пришлось пройти через весь салон в очень людном дефиле. Естественно, все взгляды были направлены на меня, и я уловил шепот одной девчушки: «Самец».

Она мне льстила. Как мне давным-давно объяснил один дед, самец, мужчина – это тот, кто непосредственно участвует в процессе размножения. Когда-то слово «самец» действительно было в ходу – пока правительство Конфедерации не предложило ввести терминологию в рамки реальности, заменив устаревшие ярлыки. Тот, кто участвует в воспроиз-

водстве лишь через Банк семени, не имеет права называться ни мужчиной, ни самцом. Конечно, у него могут быть (и наверняка есть) дети, но сам он – эксмен.

Тоже, между прочим, неверный термин. Эксмен – бывший мужчина, а когда я им был?

Хорошо, что мы прибыли на борт за минуту до запуска двигателей, – у пассажиров просто не осталось времени на массовый протест. Правда, одна дамочка сразу завопила в голос, что ее-де не предупредили о том, что ей придется лететь в одном салоне с эксменом, иначе бы она доплатила за бизнес-класс, – но тут лайнер, вырулив на полосу, начал разбег, и она благополучно заткнулась.

Хотя оборачивалась на меня еще не раз. И она, и другие. Среди взглядов гневных и презрительных я заметил два-три любопытных. Как в зоопарке.

О-ран-гу-тан. Не будешь писать на пол?

Уговорили, не буду. В посещении туалета мои конвойные мне, конечно, не откажут, пусть это вам и не понравится. А смириться придется. И можете глазеть на меня сколько хотите. Так или иначе, меня доставят туда, куда надо. И об этом будет болеть чья угодно голова, только не моя. Я – груз. Который, однако, нельзя сдать в багажное отделение, вот ведь незадача.

Мои конвоиры уступили мне место у иллюминатора, за что я был им благодарен. Я летел впервые. Меня заранее заставили проглотить таблетку от тошноты и объяснили, для

чего служит специальный пакет. Но меня пока не тошнило. У меня вообще хороший вестибулярный аппарат.

Как назло, самолет очень скоро вспорол низкую облачность, а когда с натугой пробил ее, выяснилось, что разрывов в облаках нет и земли не видно. Но и подсвеченная солнцем облачная кипень оказалась впечатляющим зрелищем, если смотреть на нее сверху. Временами самолет проходил низко над вспененной верхушкой какого-нибудь особенно разросшегося вверх облака, и тогда по обильно механизированному крылу пробегали короткие судорожные волны – единственное свидетельство наличия воздушных ям.

Через час заходящее солнце опустилось в облака, а через два начали разносить еду, деликатно будя спящих. Молоденькая стюардесса вздрогнула, увидев меня, и едва не выронила поднос. На ее лице под механической улыбкой проступило сильнейшее смятение: обязана ли она обслуживать эксмена? Одна из моих спутниц небрежно кивнула, вследствие чего я получил порцию жареной утки с овощным гарниром и стакан гранатового сока в придачу. Сейчас же мне была выделена еще одна таблетка. Только она мне и напомнила, что как новичок я должен чувствовать в полете некоторый дискомфорт. Но ничего подобного я не чувствовал.

Обслужив моих спутниц, стюардесса удалилась на повышенных оборотах и не появлялась в хвосте салона вплоть до следующей кормежки.

Распогодилось только к утру. Мы шли уже над Памиром

— а ведь впереди лежал еще Тибет! Я с восторгом смотрел на горы. Никогда раньше я не видел гор, иначе чем на картинах и в кино.

Мне говорили, что горы коварны. Но сверху я видел лишь мир и покой. Целые бездны покоя под сенью нестерпимо сверкающих ледников.

Лед я еще увижу — если, конечно, полет пройдет успешно. Но покоя у меня не будет, это точно. Возможны периоды безделья в напряженном ожидании — но ведь безделье еще не покой.

Потом я уснул. Чересчур много впечатлений за последние сутки. Мозг не выдерживает. А когда я проснулся, мы уже летели над территорией Восточно-Азиатской Федерации, как раз над четырьмя великими реками Азии, втиснувшимися гуртом в узкий горный коридор, прежде чем разбежаться в разные стороны: пока еще маловодной Иравади и могучими Салуином, Меконгом и Янцзы. Через час-два полета лайнер покинет воздушный коридор над Южно-Китайским морем, начнет снижение, и по крылу вновь начнут пробегать короткие судороги. Мне вдруг ужасно захотелось схулиганить.

Напоследок. Почему бы нет?

Конечно, конвойные не стали приковывать меня к креслу — зачем? Куда я могу сбежать, телепортировав с самолета? За борт? Нет, знаете ли, не хочется. Убить себя при необходимости можно гораздо проще. А главное, такой необходи-

мости нет, особенно после того как мои условия были приняты. Первая моя победа, пусть и крохотная.

Отвернувшись к иллюминатору, я осторожно задышал чаще и глубже. Если мои спутницы заметят, как я вентилирую легкие, стальной браслет немедленно защелкнется на моем запястье. Пусть думают, будто я по-прежнему люблюсь китайскими ландшафтами, взирая на них с высоты десяти тысяч метров.

Легкое головокружение показало мне, что уже достаточно. Теперь я мог не дышать три с половиной минуты, оставаясь в кресле, или минуты полторы, продираясь сквозь лиловую мглу Вязкого мира. Обиднее всего, что телепортация мгновенна... почти мгновенна лишь для стороннего наблюдателя.

А вы думали, что телепортировать так же легко, как умозрительно перенестись на энную дистанцию, причем сколь угодно большую? Правда, думали? Избавляйтесь от вредных заблуждений, мой вам совет.

Направление... расстояние...

НУ, ВПЕРЕД.

Странное это место – Вязкий мир. В нем время идет самым прихотливым образом – то в тысячи, то в триллионы раз быстрее, чем в реальном мире. В нем тьма имеет цвет. В нем можно идти в любом направлении, хоть прямо, хоть вверх, хоть вниз – в любом случае под ногами у тебя будет упруго пружинить какая-то поверхность, и именно там, где

ты ожидаешь ее встретить, делая шаг. Поднял ступню или опустил ниже – поверхность окажется там, где ты захочешь ее ощутить. Это при том, что рассмотреть эту поверхность еще никому не удавалось. Вязкий мир раболепно угождает своим гостям – и равнодушно позволяет им пожинать плоды своих ошибок. Наиболее радикальные теории полагают Вязкий мир не реально существующим местом, а субъективной субстанцией, виртуальным порождением человеческого подсознания.

Очень похоже на то. Убежден: если в создании этого лилового студня все-таки участвует мозг, то уж наверняка не разумом, а дремучими глубинными монстрами, анонимными авторами кошмарных снов.

Да, это сон с вечным сюжетом: хочешь бежать, лететь птицей, а вынужден с ужасающей медлительностью проталкивать себя сквозь вязкое желе... и ужас погони за спиной.

Похоже. Но в Вязком мире совсем иной ужас: потерять направление. Заблудиться. Оказаться там, откуда невозможно выйти. Или вынырнуть там, куда не стоит выныривать.

ПОРА? ПОРА.

Хлопок воздуха при выходе из телепортации всегда менее звучен, нежели при входе, однако вполне ощутим. Особенно в пилотской кабине, не отличающейся исполинскими размерами.

Конечно, самолет шел на автопилоте. Две женщины – командир корабля и вторая пилотесса – оживленно болтали,

пересмеиваясь и попивая кофе из бумажных стаканчиков. Знакомый хлопок за спиной заставил обеих вздрогнуть и обернуться – скорее с удивлением, нежели с гневом или испугом. Существует прямой и категорический запрет на телепортацию в движущемся транспорте, будь то самолет или автобус, – но и без запрета кому придет в голову рисковать собственной жизнью?

Первой заметила меня вторая пилотесса. Я видел, как у нее округлились глаза и отвисла челюсть. Струйка дымящегося кофе полилась из стаканчика ей на колени.

Едва успев сделать глубокий вдох, я нырнул вновь. Даже не обернувшись. Теперь мне предстояло сделать это в Вязком мире.

И найти обратный путь.

Я продавливал себя сквозь густую лиловую мглу, ругаясь в душе по своему адресу на чем свет стоит. Вздумалось пошалить кретину! Поиграть захотелось! Нет, приятель, твоя настоящая игра не здесь и не сейчас...

Типичное мальчишество. Непростительное. Метров сорок обратного пути вслепую. Если я слегка ошибусь направлением, то запросто могу оказаться за бортом. Имея ту же скорость, что и лайнер. Допустим, мне не разорвет легкие, – что я могу предпринять, чтобы не разбиться в брызги о Китай? Серию последовательных телепортаций вниз? На десять тысяч метров. С дыхательным аппаратом это в принципе возможно, хотя и мучительно. Но без аппарата... Беда в том,

что всякой живой твари надо дышать, даже эксменам. Один-два глубоких вдоха перед каждым нырком в Вязкий мир – это минимум. А нырков штук двести... нет, заведомо меньше, учитывая набор скорости свободного падения в промежутках между нырками. Мне придется искать компромисс между необходимостью выныривать для вдоха и страхом набрать скорость, не оставляющую падающему никаких шансов, и все равно я проиграю. Допустим даже, что подо мною окажется глубокий водоем, – не все ли равно, разбиться о воду при падении с десяти тысяч или с пятисот метров?

В Вязком мире нет скорости. Лиловый клейстер одинаково статично принимает всех. Иначе телепортирующие влетали бы в него со скоростью движения Земли в пространстве – ниоткуда ведь не следует, что Вязкий мир привязан к планете, да еще к определенной ее точке. Вращение Земли тоже следует учитывать.

Все существующие теории, даже самые стройные, – лишь иллюзии понимания фундаментальной сущности Вязкого мира. Широко известны лишь его основные свойства, с которыми следует считаться, а для успешной телепортации большего не требуется. Самое главное: выныривая в нормальный мир, ты сохраняешь вектор скорости, который имел до нырка, только и всего.

ПОРА? ПОЖАЛУЙ.

Я попытался вынырнуть и подумал, что страшные истории о людях, навсегда оставшихся в Вязком мире, – вовсе

не шутка.

Попробовал еще раз. И еще.

Задыхающаяся рыба, бьющаяся об лед...

Спокойно. Не паниковать. У меня очень хорошее чувство пространства и многие сотни тренировок. Я просто не могу сильно ошибиться, определяя направление и дальность обратного пути. На сорокаметровой дистанции телепортирования я ошибаюсь не более, чем на метр, – правда, в спокойных условиях...

Запомни главное и не суетись: если что-то мешает тебе вынырнуть – значит, ты еще в самолете.

Мысленно отметь свое положение в пространстве. Немного передвинься и попытай счастья еще раз. Сгруппируйся – так ты займешь меньше места. И перестань трястись, черт тебя побери! Хочется вдохнуть, да? Очень хочется? Потерпишь. Воздуха в твоих легких хватит еще на десяток попыток.

Ну и не трать его попусту.

Удачу принесла восьмая попытка – я взял влево-вверх и, вынырнув, свалился прямо в свое кресло. Задыхаясь. Все стало понятно: на обратном пути я сместился правее, инстинктивно стараясь держаться как можно ближе к оси салона, а что ушел немного вниз – так это просто ошибка. Допустимая погрешность слепой навигации.

Наверное, многие повскакивали с мест, когда по ушам ударил удвоенный хлопок, но я этого не видел. Я почти не

чувствовал, как взбешенные конвойные пристегивают меня наручниками, и не интересовался, к чему пристегивают. Какая разница! Я снова был в реальном мире, взмокший и полужадохшийся, но живой, невредимый и готовый ко всему. А главное – крайне ценный.

Настолько, что меня даже не ударили. Хотя, на мой взгляд, следовало бы. Бесспорно, мои конвойные получили перед полетом строжайшие инструкции по обращению со мной, исходящие из того, что колотить спасателя – непростительная роскошь.

С точки зрения тонущего, конечно.

Часть I

ЭКС-ФЕКС-ПЕКС

Глава 1

ГЛАДИАТОР

Какой смысл спешить, если тебя все время останавливают?

Спешащий эксмен, не одетый в специальную униформу посыльного, подозрителен уже сам по себе, ну а если он, высунув язык, мчится по тротуару не где-нибудь, а в кварталах, заповедных для праздных самцов, то подозрителен втройне. И патруль останавливал меня трижды – один раз возле бульвара Освобождения и дважды на площади Сандры Рамирес, сперва в начале ее, возле храма Первоматери, а потом в конце.

К счастью, мой пропуск не был ни просрочен, ни забыт дома впопыхах, так что мне удалось отделаться очень легко: подержали под стволами, выцедили несколько ехидных замечаний и отпустили. По весеннему теплу патрульные были настроены благодушно. Одна подножка не в счет: загремел как можно нелепее, принял жалкий вид, развлек патруль – свободен. Бежишь? Беги. Разумеется, пеняй на себя, если со-

слепо сшибешь какую-нибудь прохожую или испугаешь ребенка.

Будь они прокляты, эти пешеходные зоны! Пока доберешься...

Между прочим, Мама Клава зря не послала за мной машину с мигалкой. У охраны такой есть. Правда, двойной путь – в мужской спальный район и обратно... Но минут пять можно было выгадать, это точно.

Не сочла нужным. За Молотилкой, Диким Слоном, Самсоном или иным каким тяжеловесом небось послала бы лучшую самобеглую коляску, а ты – Молния, вот и соответствуй прозвищу. Одна нога здесь, другая там.

Бегу.

На фасаде комплекса знакомая афиша: сегодня, мол, и ежедневно аттракцион «Смертельная схватка», билеты продаются. Тут же состав сегодняшних участников: Динамит против Анаконды, Тамерлан против Саблезубого, Крокодил против Смертельного Удара, ну и так далее, а сбоку у букмекерской конторы светящееся табло со ставками. Мое имя уже фигурирует. У главного входа почти никого, зато изнутри – рев и гвалт амфитеатра. Отсюда слышно.

Служебный вход не заперт. Влетаю, и путь мне моментально преграждает охранница. Белобрысая, веснушчатая, с блеклым хвостом на затылке. Я ее не помню, наверное, новенькая. Едва успеваю затормозить в метре от нее и протянуть ей обе свои выручалочки – пропуска в центральную го-

родскую зону и в комплекс.

– Вот, госпожа.

У охранницы на конопатом лице недоверие. Очень большое недоверие. Она не привыкла к тому, чтобы эксмены врывались в комплекс, как к себе домой. Я ей не нравлюсь. Она с удовольствием поучила бы меня хорошим манерам, но начинает с того, что долго рассматривает пропуск и тщательно сверяет мое фото с оригиналом. Оригинал после бега выглядит неважно: тяжело дышит, красен, как обваренный, и для бойца с виду жидковат.

– Все в порядке, дорогая. Это свой.

Мама Клава. Вовремя.

Она толстая, с вечно потным мясистым лицом, кое-где покрытым нездоровыми лиловыми пятнами. У хозяйки аттракциона «Смертельная схватка» неизлечимая аллергия на запах мужского пота. Но дело свое она не продает, хотя любое появление в гимнастическом зале оканчивается для нее сущей пыткой. Подозреваю, что атавизмы тут ни при чем – просто она, как добропорядочная квочка, не мыслит своей жизни без патронажа над цыплятами-несмышленишками, шумными, бестолковыми и не всегда послушными. Можно добродушно покудахтать, а можно и хлопнуть крылом неслуха. Педагога из нее не получилось, вот она и пестует бойцов.

Эту аналогию я, естественно, держу при себе. Числиться у Мамы Клавы цыпленком в выводке не так уж плохо. В случае чего она и прикроет тем же крылом – от всего, кроме против-

ника на ринге. Тут уж как сложится судьба. Иные везунчики ухитряются удержаться в аттракционе свыше десяти лет и выйти в отставку относительно целыми, еще пригодными для какой-нибудь простой и необременительной работы. Поломанные и плохо сросшиеся кости, травмированные внутренности, надорванные щеки и уши, разумеется, не в счет.

– В чем дело, Мама? Замена?

Охранница все слышит, каменеет веснушчатым лицом и заведомо готова прямо сейчас обеспечить мне один-два перелома в воспитательных целях. Но хозяйке обращение «Мама», давно и навеки сросшееся с именем, не кажется фамильярностью.

– Саблезубый споткнулся на лестнице, увезли с сотрясением мозга. – В голосе Мамы Клавы искреннее сопереживание. – Ладно, об этом потом... Дуй в раздевалку, оттуда сразу на ринг. Выручи Маму, за ней не пропадет.

Стало быть, для массажа перед боем нет времени. Ладно, не впервой. Перетерпим.

– Я должен сделать Тамерлана? – интересуюсь.

– Умница, – восхищается она. – Успел посмотреть букмекерские ставки?

– Конечно, Мама.

Она треплет меня по щеке:

– Ну давай, ноги в руки. Тамерлан уже на ринге, публика волнуется.

Бегу, послав охраннице воздушный поцелуй. Та в тихой

ярости. Еще секунда – и она исчезнет, чтобы тут же появиться передо мною, да так, чтобы я сам напоролся на электрошокер. Мама Клава, ухмыляясь, берет ее под руку и начинает обычную воркотню насчет специфических особенностей местного контингента. Слыхали, знаем. «Привыкайте, милочка, привыкайте. Не обращайтесь внимания на их выходки. Эти бойцы, конечно, с виду не сахар, но на самом деле они все хорошо выдрессированы, уж вы мне поверьте... Наказать?! Что вы, дорогая! Если бы я наказывала их за каждую глупую проделку, смотреть мое шоу было бы невозможно, это я вам говорю. Всякое живое существо должно иметь отдушину, иначе оно перестанет работать как следует. Кнут и пряник, а как иначе? Покажите им мельком хотя бы крошку от пряника, и можете быть спокойны, они вас не подведут...»

Эта воркотня, впрочем, еще не значит, что по окончании боя мне не грозит чувствительный электрический удар или что-нибудь в этом роде, – у охранниц свои понятия. У нас тоже. Не знаю, кто из бойцов ввел в стародавние времена эту глупую традицию, но послать охраннице воздушный поцелуй – дело святое. Нас бьют и током, и просто по морде, а случается, и по гениталиям, но традиция живет.

Уж что-что, а выделяться на общем фоне мне не следует ни в коем случае. Я рядовой питомец Мама Клавы, только и всего. Боец по кличке Молния. Гладиатор.

Добежать до раздевалки, запереть в шкафчик городскую униформу, натянуть трико, накинуть на плечи канарееч-

но-желтый халат с ветвящейся молнией по спине – на все про все три минуты. Амфитеатр ревет, как вулкан, сейчас там начнется извержение. Пока что Тамерлан ублажает публику картинной игрой мышц и демонстрацией того, что и как он сделает со своим противником, но публика и без того достаточно разогрета, чтобы начать крушить все подряд, если второй боец сию минуту не появится на ринге.

Охранницы возле канатов и в проходах напряжены. Они хорошо знают, как это бывает, и готовы мгновенно телепортировать на ринг. Три тысячи перевозбужденных зрительниц – это серьезно. Галерка еще так-сяк, а первых рядов надо бояться: там сплошь юницы с повышенной от рождения агрессивностью – за счет мозгов и прочих женских добродетелей. Угроза немедленного удаления с территории комплекса при первом нарушении запрета на телепортацию в его стенах (на персонал этот запрет не распространяется) плохо фиксируется в их головах.

Случалось, и не раз, что охранницы не успевали взять бойцов в живое кольцо, столь тесное, чтобы внутрь него нельзя было телепортировать. Бывало и так, что охрану просто сминали, несмотря на электрошокеры и слезоточивый газ. О судьбе иных гладиаторов напоминают лишь прокоребанные ими надписи на личных шкафчиках в раздевалке.

Иду.

Под объявление о замене участника иду танцующей походкой по специальному подиуму, вокруг меня гвалт и свист.

Эй вы, смотрите на меня! Хорош? Хорош. Прожектора ловят меня и держат цепко, как бульдоги. Какая-то юная стерва, самозабвенно визжа, пытается схватить меня за край халата и получает по рукам. Охрана пока на высоте.

Это радует.

А еще – то, что мною заткнули дыру во второй схватке, а не в пятой. Публика пока еще сохраняет толику рассудка. Она даже немного разочарована: ожидала боя Тамерлана с Саблезубым, а теперь вместо одного из ветеранов вынуждена довольствоваться недавним новичком, еще не сделавшим себе имя на ринге, вдобавок сущим цыпленком в сравнении с Тамерланом. Много ли стоят мои восемьдесят пять килограммов против его ста тридцати? Передо мной монстр, вулкан, торнадо – подвижная гора мышц без единой жиринки.

Тамерлан не дает мне поднырнуть под канаты – рычит и дергается под одобрителный вой публики, изображая, будто намерен прямо тут разорвать меня голыми руками и разбросать куски по амфитеатру. На то я и Молния, чтобы обмануть его ложным движением, извернуться, проскользнуть на ринг и, оказавшись за спиной своего противника, легонько похлопать его ладонью по бритой блестящей макушке. Для этого мне приходится подпрыгнуть.

Вой и смех. Аплодисменты.

Разумеется, Тамерлан ревет разъяренным быком, перекрывая шум амфитеатра, и кидается на меня. На нем виснут секунданты, он страхиывает их (один, к восторгу публи-

ки, улетает за канаты), но на ринг телепортируют сразу две охранницы, и рефери удается уговорить моего противника немного повременить с моим расчленением.

Привычная игра, с незначительными вариациями повторяющаяся в тысячный раз. Но публике не надоедает.

Халат долой – его подхватывает мой секундант.

– Мама велела протянуть до седьмого раунда, – шепчет он мне на ухо.

Киваю: понял.

– Интересно, Тамерлан об этом знает? – полушутя говорю я.

– Обижаешь...

Вскинув руки, приветствую публику. Рев, свист и жидкие хлопки. Охрана улетучивается с ринга. Эксмены – секунданты и рефери – подлезают под канаты. Бой без правил не бокс, судью на ринге могут и зашибить ненароком.

Тут же кто-то довольно метко запускает в рефери огрызком яблока. Точно в ухо. Публика рада.

Внимание, сосредоточиться... Вопли и визги болельщиц мне не подмога, не тот случай. Во время боя нельзя обращать внимание ни на что, кроме противника, и уж меньше всего на публику. Этот бой – не до смерти, это просто шоу, но и во время шоу случается всякое...

Нет амфитеатра. Трех тысяч зрительниц не существует. Охранницы – забытый мимолетный сон. Кроме меня, во всем мире нет ничего, за исключением огороженного кана-

тами квадрата и моего противника.

Гонг.

Мы с Тамерланом «прощупываем» друг друга. Неважно, что мы уже не раз встречались на ринге, знаем сильные и слабые стороны друг друга, изучили увертки и отработали взаимодействие. Тут другое: определить, в какой форме твой противник и какой трюк можно себе позволить, а какой нет.

Кажется, Тамерлан сегодня не заторможен, да и я тоже, несмотря на безмассажие. Мама Клава будет довольна.

Первые удары, хвататы, броски не достигают цели. Так надо. Затем я должен несколько раз подряд огорчить Тамерлана, что я и делаю, угодив ему ногой в живот, ребром ладони по шее и «вилкой» в глаза. Да еще роняю его на ринг красивым броском.

«Чем больше шкаф, тем громче падает» – про него сказано. Тамерлан рушится, как горный обвал, а я хожу кругами, вскинув руки, и впитываю скромную овацию. Это только начало.

Нормальный человек после такого воздействия, разумеется, встал бы не сразу, но Тамерлан встает. Он не держится за живот, не кривит шею, и с глазами у него все в порядке. Зато он выглядит по-настоящему разъяренным, что и требуется. Вzbесившаяся стихия в облике эксмeнa. Это зрелище, на него стоит сходить посмотреть, чтобы на час-другой проникнуться иллюзией опасности, якобы обитающей в нашем спокойном зарегулированном мире.

Следующую минуту я летаю по рингу, как бадминтонный воланчик, и испытываю канаты на прочность. Зал ревет. Тамерлан напоминает могучую катапульту, а я – ее снаряд. Но на последней минуте раунда мне удастся, оттолкнувшись от канатов, взлететь птицей и в изящном пируэте угостить моего противника ногой в лицо. Красивое падение обоих, но я на ногах чуть раньше и пляшу на моем противнике, как на батуте. Гонг. Как водится, первый раунд не выявил явного преимущества одной из сторон.

Короткий отдых – и второй раунд. Этот оканчивается в пользу Тамерлана.

Третий...

Четвертый...

Пятый раунд – мой. Так надо.

Я прекрасно знаю, что «в реальности» Руслан Хабибуллин, иначе Тамерлан, уделал бы меня насмерть в три секунды. Конечно, если бы сумел до-гнать.

Публика этого не знает. Ей кажется, что я крепкий орешек и уступаю своему противнику совсем, ну совсем немножко. Вот столечко.

Ровно столько, чтобы оставаться живым на ринге вот уже шестой раунд.

Под рев публики я вылетаю за канаты, сшибаю секунданта и лишь немного не достигаю первого ряда трибуны, в то время как секундант – достигает. Он рискует вместо меня, а я одним прыжком взлетаю на помост и, сделав сальто над

канатами, приземляюсь уже на ринге. Аплодисменты.

Тамерлан начеку. Громадной ручищей он ловит меня, как муху, и со свирепым рычанием несколько раз бьет головой в лицо. Вслед за тем я опять куда-то лечу и обнаруживаю себя распростертым на ринге. Надо мной парит в воздухе Тамерлан – сейчас он обрушится на меня всей тушей и превратит в мокрое месиво. Мой позвоночник треснет, ребра рассыплются, черепные кости отскочат друг от друга, как однополярно заряженные, и мозги ударят в потолок... Этого-то и ждет с нетерпением социально нестабильная молодежь с первых рядов, забыв о том, что ни одна из сегодняшних схваток не должна закончиться смертью.

Но ничего подобного не произойдет: мой противник подпрыгивает на мне, а когда ему надоест, начнет швырять меня, молотить по болевым точкам, отрывать мне уши или открывать конечности – выбор за ним. По окончании экзекуции секунданты отнесут в угол то, что от меня останется, и приведут в кондицию к началу решающего раунда.

Мне скучно. Господи, почему не скучно ИМ?! Нет, не понимаю...

На седьмом раунде я показываю всем, что все-таки я – Молния. Кручусь, верчусь, выюсь ужом, не даю к себе прикоснуться, зато сам не упускаю случая достать не столь поворотливого Тамерлана. Он обескуражен, а я с канатов неожиданно делаю сальто через его голову и сразу же заднее сальто с захватом коленями головы противника. Это мой корон-

ный номер. Движение бедер – и голова Тамерлана с внятным хрустом поворачивается на недозволенный угол. У мертвеца подгибаются ноги, он валится мешком. Зрители ревут от восторга, а я с ожесточением пляшу на трупе, пока меня не оттаскивают. Готово: чистая победа.

Иных, кстати, у нас не бывает.

Чтобы унести Тамерлана с ринга, требуются усилия четверых крепких служителей. Я ухожу последним, приплясывая и приветствуя зал поднятыми руками. Конечно, теперь уж никаких воздушных поцелуев! Публика – это святое. Гойко Молотилка однажды забылся и получил от охранницы такой разряд, что потом недели три дергался и заикался.

В меня летит всякая всячина: обертки, огрызки, банановая кожура, пустые банки из-под напитков и ничего опасного для жизни. Публике понравилось, проигравшие простили мне потерю ставок. Если так пойдет дальше, через несколько месяцев я стану одним из фаворитов в шоу Мама Клавы и начну проигрывать бой за боем, пока ставки на меня не упадут. А тогда...

Неужели публика не понимает этой простейшей механики? Или мы так смачно убиваем друг друга, что деньгами пустоголовых юниц распоряжаются голые инстинкты?

Очень может быть. Социально нестабильная молодежь глупа – иначе не была бы социально нестабильной в нашем ухоженном мире. Кто поумнее, того на «Смертельную схватку» не заманишь. А толпа – и вовсе организм особенный,

мозг у нее один на всех, и тот спинной.

– Как это выглядело со стороны, Мама?

Красная, распаренная, словно сама только что сошла с ринга, где ей не очень повезло, она тем не менее находит для меня улыбку:

– Замечательно, Тим. Я очень довольна тобой, мой мальчик...

Отчего-то она вздыхает совсем не радостно.

Это настораживает.

В раздевалке крепкий запах пота. Намусорено. Как обычно, Тамерлан, огромный, голый и волосатый, обтирает себя бумажными полотенцами и швыряет их на пол, вместо того чтобы сразу пройти в душ. При виде меня он иронически подмигивает левым глазом – правый заплыл.

– Нормально?

– Угу, – отвечаю я, осторожно щупая нос и подбитую бровь. Переносица вроде цела, но нос уже опухает и спустя час-другой дойдет до кондиции спелой сливы. Ребра побаливают, но умеренно. Дышать нетрудно, значит, переломов нет. – А ты?

– Что мне сделается...

– Покажи хоть раз, как ты это вытворяешь, – прошу я.

– Что «это»?

– Хруст позвонков. Только не говори мне, что ты ими и хрустел.

– Нет, конечно, – улыбается Тамерлан и производит гор-

лом короткий смачный треск. – Вот так примерно.

Я пытаюсь повторить – с более чем скромным успехом.

– Так лягухи в болоте квакают, – не без удовольствия замечает Тамерлан. – Потренируйся без меня денек-другой, а если ничего не выйдет, брось. Не каждому это дано. Жак Ягуар был классный боец, а тоже не умел.

Самомнение у Тамерлана отменное: все-то он умеет лучше других... Я решаю сменить тему:

– Что это Мама вроде не в себе?

– Привет! – Тамерлан делает вид, что поражен моей неосведомленностью. – Ты ничего не знаешь, что ли?

Я неопределенно пожимаю плечами. Что это я, интересно, обязан знать?

– Откуда? Вчера меня тут не было, да и позавчера тоже...

– Так это не позавчера началось. Контору-то нашу прикрыть решили, вот так вот.

– Удивил! Ее уже год прикрыть пытаются...

– Теперь точно, – безапелляционно говорит Тамерлан. – Совет Цenzоров разразился постановлением: запретить все зрелища, культивирующие грубую силу и жестокость, как растлевающие молодежь, дискредитирующие женское начало и не ведущие к социальной гармонии. С нас и начали.

– Муниципальный совет? – интересуюсь я.

– Если бы. Федеральный. Так что неделю-другую Мама Клава еще побарахтается, сунется туда-сюда с протестами и подмазкой, а потом – все. Можешь искать себе новую работу.

– Не проблема.

– Тебе – да, ты техник, – невесело ухмыляется Тамерлан. –

А мы училищ не кончали...

Судя по вою амфитеатра, сильно приглушенному на пути по коридорам к раздевалке, на ринге следующая пара. Зрители не жалеют голосовых связок.

– Интересно, где теперь эти сопливыки будут отводить пар в свисток? – риторически спрашиваю я.

– А ты не знаешь?

К сожалению, я очень хорошо это знаю.

– Неделью-другую, говоришь?

– Если не меньше.

– У Мамаы Клавы хорошие связи...

Тамерлан качает головой.

– Не поможет. Если уж с самых верхов пошло, дело труба. На месте Мамаы я бы вообще не дергался.

– Тебе трудно оказаться на ее месте... Кстати, не знаешь, почему Мамаа вызвала именно меня?

Он пожимает плечами:

– Полагаю, не случайно. После Саблезубого у меня наилучший контакт с Ураганом, потом с тобой. А Ураган сегодня занят в другой паре.

– Как это Саблезубого угораздило?..

– У него не просто тяжелое сотрясение, у него еще перелом свода черепа, – сообщает Тамерлан и вдруг ухмыляется:

– Это я ему устроил.

– Зачем?

– Много знал. О тебе.

– Откуда?

– А я знаю? Проворонили мы где-то. Он, дурак, не сообщил, что с такой информацией ему самому крышка. А так хоть жив останется... может быть. Но не заговорит еще долго, это точно.

Под тугими горячими струями не очень-то поговоришь – приходится кричать. Лучше уж вовсе не раскрывать рта. Для говорильни лучше подходит не душ, а раздевалка, когда в ней не толкуются посторонние. Там всего один замаскированный микрофон в вентиляционной отдушине, да и то мы давно замкнули провода. Никто и не хватился.

Пока мы смываем пот и молчим, если только фырканье считать молчанием, я лихорадочно соображаю: откуда Саблезубому стало известно обо мне то, чего ему знать совсем не следовало? Видеть мою тайную способность в действии он ну никак не мог. Стало быть, кто-то сболтнул – но кто из пятерых, включая сюда Тамерлана, мог это сделать? А главное, насколько широко пошла утечка?

Говорили же мне: мало-мальски надежная конспиративная ячейка должна состоять максимум из четырех человек, считая и руководителя, а никак не из шестерых! Тут даже не обязателен провокатор: бойцы из шоу Мамы Клавы – люди в большинстве простодушные, кто-то мог случайно пробол-

таться друзьям за кружкой пива...

Оказывается, холодный озноб с мурашками под горячим душем – это вполне возможно.

Раздевалка уже не пуста: в ней сидят Ваня Динамит, чей бой уже закончился, и Гойко Молотилка, вообще не задействованный в сегодняшней программе. Оба наши. Один застегивает пуговицы, другой одет и переодеваться в трико явно не собирается.

– Ты-то чего сюда заявился?

– Тебя, дурака, повидать, – усмешливо отвечает Гойко, а за усмешкой – я вижу – припасена порция яда. Сейчас Молотилка попытается испортить мне настроение.

– Ну и как я тебе – нравлюсь?

– Насчет Саблезубого уже знаешь?

– Угу.

– И гадаешь, от кого из нас пошла утечка, так?

Медленно качая головой:

– Я в предатели никого не записываю...

– А в болтуны? – прищуривается Гойко.

– Не знаю... Да что ты на меня так смотришь? Честное слово: не знаю.

– Он не знает, – сообщает Гойко Ване Динамиту, будто тот от рождения туг на ухо.

Ваня молча кивает. Молчит и Тамерлан, хотя ему еще неизвестно то, что, кажется, знают Динамит и Молотилка.

Я свирепею, но не показываю виду. Это трудно.

– Знаешь, так говори. Кто из нас?

– Ты.

Обвинение столь дико, что из меня выскакивает нервный смешок.

– У тебя с головой все в порядке?

– У меня-то да, а вот насчет тебя не уверен.

Это уже по-настоящему смешно. Гойко хочет еще что-то сказать, но я вклиниваюсь в паузу:

– погоди, давай разберемся. Ты хочешь сказать, что я сам – сам! – разболтал кому-то о своем... о своей аномальности? Так? Я правильно понял?

– Ты не разболтал, ты сделал хуже – показал. Три дня назад в бою с Саблезубым. – Гойко каменеет лицом и вбивает в меня слова, словно гвозди. – Вспомнил? Конспиратор! Ты показал это Саблезубому и вместе с ним трем тысячам баб! Трем тысячам!

Пытаюсь возразить – и не могу. Так и стою с раскрытым ртом, а Молотилка молотит дальше:

– Тебе на себя плевать – это только твои проблемы. Тебе плевать на нас – хрен с тобой, ради дела мы много чего перетерпим! Но тебе, оказывается, плевать на наше дело – вот тут мы будем возражать, имей в виду...

– Может, объяснишь? – недовольно басит Тамерлан. – Я ничего не понимаю.

– Чего тут не понять! – рявкает Гойко. – Этот придурок телепортировал!

– Вы бы все-таки потише, – замечает Ваня Динамит.

– На ринге телепортировал? – Тамерлан не верит ушам.

– А то где же!

– Сбавь, говорю, – рычит Ваня.

Тамерлан всей глыбой поворачивается ко мне, вид у него ошарашенный. Но ничего забавного в ошарашенной глыбе я сейчас не наблюдаю.

– Что скажешь?

– Какая там телепортация – так, пустяки, – морщусь я, кривя губы. – Какие-то сантиметры, никто ничего и не заметил... – И вдруг взрываюсь: – Ну не мог я иначе уйти от захвата, никак не мог! Не успевал! Этот отморозок из моих ребер рагу бы сделал! Вы что, Саблезубого не знаете? Да и не сознательно у меня это получилось, а как-то так, само собой... Инстинктивно. Притом ведь не заметил же никто, разве нет?

– Кроме Саблезубого, – догадывается Тамерлан. – Так вот откуда он...

– Не только он, но и я, – мрачно сообщает Гойко. – А может, и еще кто-то.

– Ты что, тот бой видел?

– В записи. Мама Клава припрягла поработать в фильмотеке – ну знаешь, все эти эффектные вырезки для обучения новичков... Раз просмотрел – вижу, что-то не то. Два просмотрел – точно, так не бывает. Просмотрел по кадрам – вот она, телепортация, сомнений нет. – Гойко указывает на ме-

ня. – На одном кадре этот кретин аж полупрозрачный...

– Ну и ты что? – Это Тамерлан.

– Затер тот кусок, конечно. А ты что думал? Стало похоже на технический сбой. Но вот один ли был фильм и одна ли копия – это вопрос.

Лихорадочно соображаю. Телетрансляции того боя, разумеется, не было по той самой причине, по какой уже пятый месяц не проводятся схватки до смертельного исхода, – запрет Совета Цензоров. С этого они начали свои действия против шоу Мамаы Клавы и иных развлекательных мероприятий, не отвечающих целям воспитания масс в конструктивном духе, и скоро нас закроют. Трансляции не было, но в зале не одна стационарная камера, и мы не знаем, сколько их было задействовано. Кроме того, кто-то из зрительниц вполне мог снимать бой ручной камерой. Теоретически копии фильма могут находиться где угодно, Гойко ликвидировал лишь самую явную опасность.

Ой-ой, скверно-то как...

– Положим, чтобы догадаться, что в том фрагменте не все чисто, надо быть специалистом и смотреть внимательно, – рассудительно говорю я. – В конце концов, ты же сам понял, что к чему, лишь при покадровом просмотре...

– Нет, вы видели? – изумляется Гойко Молотилка. – Он адвокатствует! Он нас успокаивает! Ребра свои пожалел! На нас ему плевать, а ребер жалко! Ну, Тимоша, ну, надежда всех мужчин Земли и окрестностей! Ну, светлая голова! Ни-

кто, кроме него, ничего не поймет, и точка!..

— Да виноват я, виноват! — ору я и под взглядом Вани сбавляю тон. — Сам, что ли, не вижу? Непроизвольно получилось, но все равно — моя вина! Доволен теперь?

— Не с чего тут быть довольным, — бурчит Ваня.

Гойко молчит, думает и в конце концов машет рукой:

— Ладно... Была не была. Будем надеяться, что дальше нас утечка не пойдет. А тебе урок на будущее.

Таких уроков в моей жизни до случая с Саблезубым было уже три, но о них Молотилка не знает. Тем лучше. Возродившийся с некоторых пор миф об эксмене, способном телепортировать, — иное дело. Собственно, этот миф существовал всегда, и всегда над ним смеялись. Кроме того, последнее место, где будут искать такого уникама, — аттракцион «Смертельная схватка».

А не слишком ли я становлюсь самонадеянным?

Вполне возможно, и для этого есть причины. Мне двадцать семь лет, четырнадцать из них я знаю о своем уникальном качестве, более того, с некоторых пор о нем осведомлены еще несколько человек, а я все еще жив и на свободе — единственный телепортирующий эксмен в мире.

Угроза для одних. Надежда для других.

Мы молчим. Наконец Молотилка ухмыляется и произносит:

— Ты бы хоть рассказал, как оно ТАМ...

— Где?

– Ну в этом твоём Густом мире.

– В Вязком мире, – поправляю я машинально. – И он не мой. Как тебе сказать... Как в киселе. Причем темно, как в... как в большом чане с крышкой, а внутри чана – кисель.

– Трудно двигаться?

– Не то слово.

Гойко вздыхает.

– Слушай, а почему бы тебе не попробовать взять туда кого-нибудь из нас?

– Неужели непонятно? – пожимаю плечами. – Я же тебе приносил школьный учебник по телепортации.

– Ну.

– Что «ну»? Ты читал или нет?

– Читал, но...

Мне становится стыдно. По насупленному виду Гойко сразу можно сказать: он не читал. И не мог прочесть. Он, оказывается, неграмотен, а я его мучаю. Половине эксменов грамотность ни к чему. Максимум – прочесть вывеску или предупреждающую надпись «Только для людей». Черт меня побери с моим высокомерием технаря, с моей бестолковостью и поганым языком!

– Читал, но не все понял, – моментально прихожу я ему на выручку. – Ладно, попытаюсь объяснить на пальцах. Скажем, ты везешь тяжело нагруженную тележку. Пока ты катишь ее по ровному полу, проблем нет. Но вот тебе надо вкатить ее в дверной проем с порогом. Легкую тележку ты пе-

рекатил бы через порог без труда, тяжелую – уже с натугой, а со слишком тяжелой лучше вообще не мучиться – ничего не выйдет. Понятно? Так и с телепортацией. Это называется сопутствующей пороговой массой, у каждого индивида она своя. Чуть-чуть увеличивается тренингом... многолетним и довольно изнурительным. Рекордсменки могут проносить в Вязкий мир килограммов до тридцати, а кому-то и одежда на теле кажется неподъемной ношей. Той же Маме Клаве. Ты хоть раз видел, чтобы она телепортировала? А ты заметил, какое оружие и снаряжение у охранниц, патрульных и спецназовок? Легкое! Так что извини, с тобой на закорках у меня просто ничего не получится, мой личный рекорд – двенадцать килограммов сопутствующей массы...

– Похудеть, что ли, – натянуто улыбается Гойко. – Нет, не буду, пожалуй. Лучше ты тренируйся, только не здесь...

Он замолкает вовремя – слышны шаги в коридоре. Двое служителей помогают добраться до раздевалки Витусу Смертельному Удару, отделанному на ринге Даней Крокодилом. Витус постанывает и вяло перебирает ногами. Судя по многочисленным пластырям, прилепленным там и сям к бритой голове и громоздкому туловищу, он уже побывал у фельдшера, а судя по тому, что его ведут, а не везут на каталке, повреждения можно считать незначительными, оклемается сам. Трещины в ребрах или легкое сотрясение мозга – ерунда. Любому из нас случалось покидать ринг в худшем состоянии.

Вся тройка едва не промахивается мимо двери раздевалки – у Витуса солидная инерция. Пыхтя, его влекут к банкетке у стены, он рушится мешком, и банкетка крикает.

Служители переводят дух, но не уходят. Похоже, им веле-но отмыть, одеть и доставить домой пострадавшего, где ему предстоит провести несколько дней в своем жилом блоке, меняя на себе припарки и пластыри и скрипя зубами всякий раз, как захочется поесть или попить, потому что рот у него надорван и на щеку наложено два шва. Сейчас-то ему вколо-ли немного обезболивающего, и он не в состоянии оценить всю гамму ощущений.

– Не повезло?

В ответ Витус рычит и изрыгает. Если выдолоть из его тирады брань и междометия и тем самым сократить ее на порядок, претензии Смертельного Удара сводятся к следующе-му: вокруг него сплошное махровое паскудство, а с Дании-лом Брудастым по прозвищу Крокодил он еще побеседует, он ему еще припомнит! Скотина же: велено выиграть – ну так и выигрывай, никаких возражений, а зачем всерьез-то увечить? Классный боец выбыл из кондиции на неделю, но что до этого Маме Клавье? Да ей, парни, все равно! Она вон Тима Молнию на ринг выпустит или какого иного сопляка – мало ли их ногами сучит, в аттракцион просится... Ей на нас – тьфу!..

– Брось, – басит Тамерлан, – расслабься. У Мамы Клавьи жить можно. Не то беда, что Крокодил перестарался, а то

беда, что в последний раз, наверное...

Витус, оказывается, не в курсе предстоящих перемен. Ему объясняют, он хлопает глазами и растерянно матерится. Что бы этот бугай ни говорил о тяжелой своей доле, даже он понимает, где кнут, а где пряник. Точнее, где кнут не так часто гуляет по спинам, а пряник иногда виден хотя бы издали. Образования у него нет, как и у большинства бойцов. Карьера чернорабочего его не привлекает, а иной перспективы не предвидится. Ясно, что районная комиссия по рабочей силе распорядится по-хозяйски, то есть упечет его туда, где физические стати в цене, например на строительство Байкало-Камчатской железной дороги. С таким плечевым поясом хорошо ворочать шпалы.

Пока я одеваюсь возле своего шкафчика, Тамерлан просвещает Витуса, как ранее просвещал меня: так-то и так-то, мол, против федерального Совета Цензоров Мама Клава бессильна, шоу доживает последние дни, поскольку растление молодежи и социальная гармония. Что-то с чем-то, видите ли, несовместимо.

– Совсем не из-за этого, – возникает вдруг один из служителей со своим мнением.

Молчал бы лучше. Но у болтунов язык живет сам по себе и ничем не управляется, так они устроены.

– Ну? – спрашивает Гойко Молотилка в наступившей тишине.

Над служителем нависают грозовые тучи, а ему и невдо-

мек. Прежде чем начать говорить, он облизывается и вообще страшно доволен, что может поучить уму-разуму больших мускулистых дядей. Он недавно здесь работает и еще не уяснил себе, что большие дяди могут его самого поучить за невежливость. На первый случай, конечно, легонько, по самому безобидному варианту. Например, задвинут шкафом в угол – кукуй там, пока кто-нибудь не выручит, и соображай, стоит ли впредь так бесцеремонно лезть в чужой разговор.

– Ну?

– Мне брат рассказывал... – начинает слугитель с воодушевлением, но не тут-то было.

– Откуда у тебя брат? – презрительно перебивает Гойко.

– Близнец. Мы потом уже встретились, случайно... воспитывались-то, знамо дело, в разных интернатах, а год назад просто-напросто столкнулись на улице нос к носу. Совпадение, в общем. Даже мимо прошли, а потом оглянулись одновременно. Гляжу и не верю: второй я...

– Ну и что?

– Он в мэрии работает, уборщиком. Бамбук его фамилия, Гоша Бамбук. Большой человек. Ну и слышал недавно разговор: мол, развлекательные шоу – это только начало, речь идет о тотальном перераспределении рабочей силы, так что развлечениям и всему второстепенному – хана в первую очередь, и растление молодежи тут ни при чем. Программа вот-вот пойдет полным ходом.

– Чья программа? – прищурившись, интересуется Гойко.

– А я знаю? Но не городская, это точно. То ли федерального правительства, то ли бери еще выше...

– Гхм. А чей разговор-то был?

– Бабский, понятно...

– Я спрашиваю: кто разговаривал? Твой братец Бамбук может отличить мэра от посетительницы?

Брат Бамбука теряется:

– Не знаю... Не, только не посетительницы... Чинуши какие-то. Да, вот еще что: очень одна из них негодовала, что рабочих у них берут и с городского благоустройства, и с транспорта, и отовсюду, откуда только можно взять, и никто толком не знает, для чего. Если так пойдет дальше, то скоро людям придется вместо эксменов заниматься физическим трудом! А вторая ей: это что, мол, вскоре будем сокращать все необязательные производства, ну, легкая там промышленность, косметика, предметы удобства...

– Не врешь?

– Вот еще! Я брату верю, он разыгрывать не станет.

Не у меня одного отпала челюсть – ошарашены все. Витус – и тот прислушивается, хотя вряд ли понимает, в чем дело. Этого по большому счету и мы не понимаем. Хмыканье, кряхтенье, озадаченный мат, и ничего больше.

Если оно и вправду так, как нам только что было наболтано, стало быть, в нашем мире происходят какие-то сдвиги, смысла которых мы пока не можем уловить. «Тотальное перераспределение рабочей силы», надо же! Любопытно знать:

чего ради? Кто разворошил уютный муравейник?

И тут в дверь раздевалки всовывается конопатая физиономия мальчишки на побегушках:

– Эй, Молния! Мама Клава хочет тебя видеть. Прямо сейчас, одна нога здесь, другая там.

– Зачем еще? – без всякого удовольствия интересуюсь я.

– Небось премию тебе хочет отвалить за сегодняшний бой, – подмигивает мальчишка. – Я видел, как ты дрался. Класс! Ты беги скорей, а то она передумает...

– Бегу, бегу, – ворчу я.

Одет? Одет. И обут. Даже причесан. Волосы пока мокрые после душа, но это ничего. Главное, вымыт и не послужу причиной очередного приступа аллергии Мама Клавы.

Делаю всем ручкой. Тамерлан и Динамит провожают меня озабоченными взглядами. Гойко Молотилка идет дальше – наклоняется к моему уху:

– Поосторожнее...

Показываю одними глазами: понял, мол.

Глава 2

МАЛЬЧИК

Я давно заметил: во многих старинных книгах герои обожают рассказывать читателю свои биографии и делают это тем более охотно, чем меньше в биографиях примечательного. Что ж, это их право. А право читателя – не читать. Но, как бы то ни было, я последую их примеру, тем более что в моей биографии кое-что примечательное все же было.

Год своего появления на свет я знаю точно: юбилейный, сто пятидесятый от первой телепортации Сандры Рамирес. Даты рождения не знаю, конечно, да и не понимаю, признаться, для чего ее надо знать. Ну какая мне, собственно, разница, сколько усиков у пшеницы или капель в облаке? Я не агроном и не метеоролог. Или ножек у тысяченожки – действительно тысяча или меньше? Никогда не считал. Так и с днем рождения: чем больше забиваешь голову всякой ненужной шелухой, тем более гулкой она становится. Так нас учили, так я думаю до сих пор. Это у женщин, иначе говоря, настоящих людей, есть смешной обычай праздновать день и чуть ли не час рождения. Все-таки они особенные, раз находят в этом удовольствие.

Понятия не имею, к какому возрасту относится мое первое детское воспоминание, – годам к двум, наверное. Если что-то и запоминается в таком возрасте, то только события

экстраординарные, чаще всего связанные с нестерпимой физической болью или столь же нестерпимой обидой. Потом на воспоминания накладываются сны и выдумки, и уже трудно понять, что и как было на самом деле.

Конечно, я плакал и топал ножкой, потому что взрослые тети страшно кричали друг на друга. Только от одной из них исходило тепло, притом сильно заглушенное страхом, другие же были опасны, им не нравился мой плач, их следовало прогнать или убежать от них, если прогнать не получится.

Прогнать плохих тетей не получилось. Помню, как та, хорошая тетя стремительно подхватила меня на руки и, вместо того чтобы утешить, неожиданно грубо запечатала мне ладонью рот и нос. Это было так несправедливо, что я начал вырываться и даже не очень хорошо запомнил лиловую мглу, внезапно окутавшую нас с тетей со всех сторон.

Потом – спустя минуту или год? – мне стало плохо. Очень-очень плохо, и доброй тети не было поблизости, чтобы помочь мне или просто пожалеть. Наверное, я умирал, но в конце концов все-таки не умер.

Много, много позднее мне объяснили, что я глотнул Вязкого мира, попытавшись дышать там, где дышать нельзя. Последнее понятно каждому, кто хоть раз в жизни телепортировал: кому придет в голову набрать в легкие клейкого коллоидного киселя? Разве что ребенку-несмышленишу, бьющемуся в истерике.

Более-менее непрерывными мои воспоминания стали лет

в пять. Как все мальчишки, я воспитывался в закрытом заведении. Подъем, отбой, тихий час – и ни шагу за изгородь. Отведенная нам территория была достаточно велика, чтобы мы могли играть в войнушку, «стреляя» друг в друга из-за кустов или фехтуя на палках. Воспитатели – все эксмены и все как один нервные – ходили со стеками и хлыстами. Специальных порок не было, но мало кто из нас не носил багровой отметины поперек спины или пониже. За крик и плач запросто можно было схлопотать еще одну или две. После нескольких опытов каждый из нас понимал, что лучше не реветь. Или, по крайней мере, делать это тихо и не на людях.

Изредка по территории прохаживалась директриса нашего питомника, пожилая костлявая дама с вечно брезгливым выражением на высохшем желтом лице. Тогда наши воспитатели впадали в лихорадочную активность и стеки чаще соприкасались с нашей кожей. Временами то один, то другой воспитатель подбегал к директрисе, повинувшись едва заметно кивку, и стоял навтыжку, смиренно потупив глаза, пока она с властным презрением указывала ему на такое-то и сякое-то упущение. Упущений не быть не могло: ну что, в самом деле, мужики могут знать о чистоте и порядке? Так, самые азы, и то не очень твердо.

Мы боялись желтолицую. Мы прятались от нее где только можно, а если не успевали укрыться, страдали ужасно, даже если ретивый воспитатель обегал нас стороной. Один раз я поймал ее взгляд, когда на глаза ей попалась серая травя-

ная лягушка, выгнанная нами из канавы на асфальтовую дорожку. Точно с таким же гадливым выражением она смотрела на нас, и мы не знали тогда, что ей помешало приказать воспитателю сделать с нами то же, что и с лягушкой: убить и убрать. И напуганный воспитатель хлестнул лягушку хлыстом со всей силы и почти перешиб надвое. А потом взял за лапку и отнес в мусорный бак.

Разумеется, она (то есть директриса, а не лягушка) отвечала за нас и волей-неволей была обязана беречь. Наверное, с нее спросили бы в случае какого-нибудь упущения – как с заведующей фермой за падеж или недостаточный привес молодняка. Нас кормили – невкусно, но сытно. Когда кто-нибудь из нас заболел, его без канители отправляли в изолятор, где фельдшер ставил ему горчичники, заставлял пить таблетки и невкусную микстуру, а иногда делал уколы. Уколов и горчичников мы побаивались, но не слишком: фельдшер был пожилой, добрый и толстый, с большими грустными усами. Как и мы, он жил при питомнике и никогда никуда не уезжал.

Помимо директрисы, женщин в питомнике не было. Мы знали, что где-то во внешнем мире они все-таки есть, но не имели представления, каковы они и отличаются ли хоть сколько-нибудь от нашей желтолицей владычицы. Нам казалось, что не очень, но мы все-таки стремились попасть наружу – из чистого любопытства, предполагая не без оснований, что, кроме женщин, в большом мире есть и многое другое,

не всегда враждебное.

Забор был сплошной, бетонный и очень высокий, взобраться на него не удавалось никому. Ни одно пригодное для лазания дерево не росло настолько близко к забору, чтобы был соблазн проползти по ветке и оказаться на ТОЙ стороне, хотя бы на пятиметровой высоте над землей. Но заглянуть на ТУ сторону нам все же удавалось: во-первых, с тех же деревьев, а во-вторых, когда ненадолго распахивались главные ворота, чтобы пропустить грузовик или автобус. В первом случае мы видели лес за забором, во втором – пыльную дорогу с кюветами по обочинам.

Ах, какие враки о Большом мире рассказывали в спальне после отбоя воспитанники, обладавшие даром воображения! Какие небылицы выдумывали вдохновенные лгуны – дух захватывало! На самом деле мы питались крохами информации, добытой у взрослых, и уже учились ловить редкие моменты благодушия воспитателей, с тем чтобы вовремя и непременно обвиняком задать тот или иной мучительный вопрос с надеждой получить ответ. Мы постигали первые уроки наивной хитрости. Помню, как я специально простудился под ледяным дождем, чтобы попасть в изолятор к доброму фельдшеру с грустными усами и мучить его расспросами, но переусердствовал, схватил двустороннюю пневмонию и едва выжил.

Ни одной девчонки мы не видели, но точно знали, что где-то есть такие существа, и представляли их себе уменьшен-

ными копиями директрисы – маленькими, костлявыми, желтолицыми и злыми созданиями. Годам к шести или семи я точно знал, что у всех девчонок есть мамы и этим они отличаются от нас. Из мам каким-то образом рождались девочки. Кто родил (что бы это ни значило) нас и как мы возникли, если никто не рожал, – оставалось мучительной загадкой, великим простором для домыслов.

Один из воспитателей, правда, брякнул, будто все появляются на свет одинаково. Значило ли это, что мы тоже родились? А если так, то у каждого из нас тоже когда-то была мама.

Я не забыл ту добрую тетю, несмотря на то что она обошлась со мной грубо и пыталась утащить в вязкую лиловую мглу. Быть может, она и была моей мамой?

Потом я догадался: наверное, у других воспитанников тоже когда-то были мамы, только они умерли. Мы уже знали, что такое смерть: один малыш из младшей группы был укушен большой полосатой осой по имени Шершень, зашелся в визге, а потом раздулся, начал хрипеть, и его навсегда забрали в изолятор. Добрый фельдшер не смог его вылечить, и его усы висели печальнее обычного, потому что у него не было нужного лекарства. Наверное, так и мамы: у кого из них рождается мальчик, те умирают, а у кого девочка – живут. Значит, моя мама умерла.

Догадка как догадка – ошибочная, но по-своему логичная. С четырех лет нас заняли общественно полезным трудом.

Мы подметали дорожки и приводили в порядок лес внутри забора, то есть собирали опавшую листву, веточки и шишки в большие кучи в специальных местах, после чего кто-нибудь из взрослых устраивал из куч костры, территория питомника окутывалась едким дымом, и с нее на день-другой исчезали комары. К сожалению, дымные костры чаще горели осенью в листопад, а к тому времени комары сами собой пропадали без всякого дыма.

Работать плохо было невыгодно, а увильнуть от работы, спрятавшись в кустах, было невозможно: лентяев наказывали взрослые, а на отлынивающих доносили мы сами – из чувства обиды и справедливости, я полагаю. Однако по-прежнему часто лоза гуляла по нашим спинам без видимой причины.

Причина хронической озлобленности наших воспитателей открылась мне в позднем отрочестве, когда я уже в совершенстве освоил пользование сексатором. Наши воспитатели были кастраты или в лучшем случае искусственные импотенты – все до одного. Тогда же я содрогнулся, сообразив, к чему могла бы привести иная ситуация, и мысленно возблагодарил женскую мудрость, подсказавшую какой-то важной персоне мысль раз и навсегда избавить нас от посягательств. Нет, уж лучше стеки и хлысты...

Дважды в день мы становились на молитву перед часовой Первоматери. Один из воспитателей, исполнявший обязанности младшего жреца, монотонно заводил хвалебную

песнь, а мы, как могли, подтягивали. Раз в год приезжал жрец более высокого ранга и устраивал большой молебен, чему мы радовались: в такие дни нам не давали работы, правда, и петь приходилось до хрипоты. Отсутствие слуха и голоса не считалось уважительной причиной для молчания, да мы и не отлынивали: как не попеть немного в честь полу-богини, подарившей когда-то в невообразимо далеком прошлом жизнь и людям, и нам?

Честное слово, я обожал Первоматерь, хранил под подушкой открытку с изображением Храма в далеком городе Най-роби, где в драгоценном саркофаге покоятся ее священные останки, и несколько лет спустя был ошарашен, когда мне попытались разъяснить: под священными останками Первоматери понимаются ископаемые обломки костей самки австралопитека, прозванной Люси и, по мнению науки, являющейся прямым предком людей, иначе говоря, все-таки Первоматерью. Само по себе это не вызывало возражений, но, когда я вдобавок узнал, что Люси была грязным карликовым существом с отвисшими до пупа молочными железами и дряблым морщинистым чревом, изнуренным частыми родами, что она выкапывала из земли какие-то корешки и выковыривала грязными пальцами термитов себе в пищу, – я полез в драку. Наверное, мне было легче лишиться руки или глаза, чем веры. Но произошло обратное: мои руки и глаза остались при мне, синяки и шишки зажили, зато вера в святое... н-да... Вера либо есть, либо ее нет. Когда из-под моей

веры вышибли подпорки, она рассыпалась в крошку.

Вначале была рана. Мало-помалу она затянулась. Впоследствии исчез и шрам. Иные запрещенные религии меня не привлекли, и то место души, которому следовало быть наиболее прочным, рухнуло, словно карстовый провал, явив пустоту. Мне и посейчас нечем ее заполнить.

Бесспорно, у эксменов есть душа, нам это объяснили, но душа особого свойства. Лишь лучшие из лучших среди нас могли по смерти надеяться попасть в Рай, нерадивым же предстояло быть ввергнутым в Черное Ничто. Разумеется, и в Раю души эксменов должны были подчиняться душам людей, но это нас не пугало, мы привыкли подчиняться. Пугало Черное Ничто, несуществование, уход в никуда.

И все же страх перед хлыстом действовал сильнее.

С восьми лет нас начали учить читать, с девяти – писать, в десять попытались обучить счету и четырем действиям арифметики. Учили мало – по часу, максимум по полтора часа в день. Гораздо большее внимание по-прежнему уделялось общественно полезному труду, который теперь усложнился: прополка огорода, сбор с картофельных кустов вредного полосатого жука, уборка в помещениях, иногда мелкий ремонт или покраска чего-нибудь. Свободных часов оставалось мало. Насколько я помню, мы тратили их на изобретательные, но неизменно безуспешные попытки преодолеть забор.

Зачем? Наверное, просто для того, чтобы на несколько

минут ощутить свободу, а потом вернуться. Думаю, никто из нас не помышлял всерьез о побеге – хотя бы потому, что мы не знали, что ТАМ, и только догадывались, что лес вокруг питомника не бесконечен. Мы хотели вырваться, но не знали, куда и зачем.

Как-то раз над питомником пронеслась буря и повалила старую березу так, что она кроной легла на забор. Наверное, поверх забора шла какая-то сигнализация, потому что уже через час, несмотря на завывания ураганного ветра, мостик на ТУ сторону был ликвидирован с помощью бензопилы.

Однажды лопоухий Женька, мой дружок, шепнул мне на ухо с заговорщицким видом:

– Ч-шш... После работы – у кривой сосны. Не пожалеешь.

Разумеется, в нужное время я был у указанного дерева, и Женька, улизнувший, как и я, от недреманного ока воспитателей, повел меня к забору. Низинка, где заросли крапивы стояли жгучей стеной и вырастали вновь столь упорно, что их отчаялись когда-нибудь свести, была мне, разумеется, хорошо знакома и не представляла большого интереса. В ответ на мое недоумение Женька поднял воротник курточки, втянул сколько мог руки в рукава, заранее поежился и коротко бросил:

– Пошли.

Конечно, крапива не хлыст, но тоже вещь малоприятная. Однако в самой ее гуще возле бетонной стены обнаружился сюрприз – яма полуметровой глубины, заполненная прелой

лиственной и всяким лесным мусором. Я сразу все понял, да и у Женьки горели глаза.

– Подкоп, да?

– Угу. Мы хотели сверху, а тут, оказывается, вот как можно... Кто-то когда-то начал копать. Но не докопался.

Мы выкинули из ямы мусор и начали копать, ковыряя землю сучками, выбрасывая ее пригоршнями, и за этим занятием едва не прозевали построение на ужин. Естественно, у нас хватило ума сообразить, что запачканные руки и колени – не то зрелище, которое следует являть воспитателям. Наверное, наши предшественники, начавшие подкоп, не были столь осторожны.

Мы работали в глубокой тайне, не посвятив в наш замысел никого (хотя лично у меня язык чесался неимоверно – рассказать) и вообще соблюдая все конспиративные предосторожности. Земля поначалу оказалась довольно податливой, отчего края ямы вскоре начали осыпаться. Пришлось рыть не только вглубь, но и вширь, сводя яму на конус. Мешали древесные корни. Потом пошла сплошная глина. Вдобавок мы могли посвятить рытью никак не более часа в день. Все же спустя неделю глубина ямы достигла нашего роста, а проклятый бетонный фундамент и не думал кончаться, наводя нас на унылые мысли.

– А может, оно такой же глубины, как и высоты? – высказал я однажды вполне фантастическое предположение, имея в виду под «оно» наш бетонный периметр.

Женька подумал и мотнул головой:

– Не, Тимк, вряд ли. Ты знай копай! Устал – вылазь, я покопаю...

Вскоре зарядили дожди, и наша яма до половины наполнилась мутной жижей. Мы условились продолжить подкоп, как только установится хорошая погода.

Она так и не установилась: вся вторая половина лета выдалась холодной и дождливой. А в конце лета нас, однолеток, однажды построили в длинную шеренгу и примерно каждому второму велели сделать шаг вперед, выкликая поименно.

Мне – велели. Женьке – нет.

Больше я никогда его не видел и не знаю, закончил ли он все-таки наш подкоп, а если закончил, то чем для него это обернулось. Нас, вышедших вперед, увезли сейчас же, дав десять минут на сборы. По правде говоря, собирать было особенно нечего.

Я и сейчас думаю, что у Женьки ничего не вышло с тем подкопом. Вернее, мне долгое время хотелось так думать. Было бы обидно, если бы получилось у него одного, без меня.

Но что бы он нашел на той стороне?

В тот день я увидел еще одну женщину, уже вторую и совсем не похожую на нашу директрису. Если та напоминала старую, пусть и ухоженную лошадь, то эта – лихую наездницу. Она была, наверное, вдвое моложе и вдесятеро красивее нашей прежней владычицы, а двигалась стремительно и порывисто, причем с такой уверенностью, что, казалось, сте-

ны должны были рассыпаться в прах при ее приближении, а столетние ели – выкапываться из земли и удирать на корнях. И у нее были на то основания. Стены, конечно, не падали, и деревья вели себя прилично, а вот телепортацию мы увидели своими глазами.

Она направилась к автобусу – весело, танцующей походкой – и вдруг исчезла с легким хлопком. Я не сразу понял, куда она делась, и очень удивился, заметив ее уже сидящей в автобусе рядом с водителем. Такое вот чудо. Кто-то из наших не выдержал, показал пальцем – и, естественно, тут же получил по рукам.

Так на одиннадцатом году жизни я впервые покинул пределы питомника. Нас загрузили в автобус и куда-то повезли. Везли долго. В автобусе резко пахло топливом и резиной, так что меня почти сразу начало мутить, и дорогу я запомнил плохо. Зато догадался повернуть голову и прочитать вывеску на воротах: «Министерство трудовых ресурсов Славянской Федерации. Мужской подготовительный интернат имени Юдит Полгар».

Все-таки наше заведение именовалось интернатом, а не питомником.

Из подготовительного интерната имени Юдит Полгар нас перевезли в интернат-училище имени Марины Расковой. Вскоре я узнал, чем знамениты эти люди: если первая наглядно доказала преимущество человеческого ума над мужским, обыграв в какую-то умную игру всех самцов на пла-

нете, то вторая водила в бой крылатые армады и лично погасила развязанную неразумными самцами общемировую бойню, уничтожив двумя бомбами город Нагасима, главный оплот мужского шовинизма.

В этом интернате я прожил лет семь. Территория была большая, побольше даже, чем в подготовилровке, хотя, в сущности, тот же загон с деревьями, подстриженными кустами и аккуратными дорожками. Не лес, а скорее парк. За его благолепием, понятно, следили мы сами: сегодня, скажем, первая группа, освобожденная ради такого случая от занятий, стрижет кусты и газоны, метет дорожки, завтра вторая и так далее. Семь возрастных групп, семь дней в неделе, очень удобно. Пожалуй, мы даже любили выходные дни – это когда можно выйти на дорожку и помахать метлой. А зимой – лопатой.

Глубже всего мы изучали два предмета: ремесло, выражавшееся в умении работать по дереву и металлу, а также новейшую историю, начинающуюся, как известно, от первой телепортации и Великого Пути Обновления, указанного Сандрой Рамирес. Было и еще кое-что: основы природоведения, математика вплоть до подобия треугольников, черчение, устный и письменный интерлинг, правила личной гигиены, уроки пользования сексатором и тому подобное – но самое интересное, конечно, происходило в мастерских. Здесь решалось, кто на что годен. Иных тупиц после нескольких неудачных опытов вообще не подпускали к станкам сложнее

циркулярной пилы, кто-то навеки застрял на сверлильном или шлифовальном, многие освоили токарный, а некоторые, в том числе и я, со временем были допущены к фрезерному, да еще с программным управлением.

Наслаждение, иначе не назовешь это чувство, когда вместо брака у тебя впервые получается настоящая деталь, пусть поначалу и простенькая. А уж когда полностью освоишь хитрый станок, научишься за ним ухаживать и заставишь его работать, как тебе хочется, чем заслужишь сдержанную похвалу мастера, – наслаждение вдвойне! Песня! Оргазм!

Но и наказывали нас уже не хлыстом, а электрошокером. За мелкое нарушение можно было схлопотать слабый разряд, особенно если выказать покорность и сознание вины, – зато участники драк карались свирепо и беспощадно. Кое-кто потом навсегда остался заикой. Говорили, что несколько лет назад при усмирении особо буйного экземпляра наши наставники перестарались – у того остановилось сердце, и фельдшер оказался бессилен запустить его вновь. Правда это или выдумка – не знаю.

Наверное, выдумка. Не представляю себе эксмена, которого было бы невозможно утихомирить электрическими ударами. Или у него было не все в порядке с психикой.

Друзей, таких же верных, как Женька, я себе не завел, но приятелей хватало. Некоторых я помню, хотя зачем – неизвестно. После училища я с ними не встречался.

А периметр там был – ну, я вам доложу! Забор всего-на-

всего трех метров ростом и не сплошной, а из стальных прутьев. Понятное дело, поверху сигнализация, так что не перелезешь, зато сквозь прутья смотри наружу, сколько хочешь, и на дерево лазать не надо.

Степь там была. С перелесками. И никого народу, хотя вдали и угадывались какие-то строения. Вероятно, их обитательницы были не слишком довольны соседством с училищем-интернатом и старались не совершать прогулок в его направлении.

Вплоть до одного случая.

Даже не помню точно, сколько мне тогда было лет, – наверное, тринадцать или около того. Вышло так, что меня давно не наказывали, и я набрался наглости. Однажды, когда выдался свободный час, я прямиком пошел к воротам нашего заведения и заявил старому сухонькому привратнику, что хочу выйти.

Он оторвался от созерцания извивающегося дождевого червя, атакуемого голодной жужелицей, поднял голову и посмотрел на меня с большим интересом:

– А зачем?

Вопрос не поверг меня в смятение – я был слишком возбужден для этого.

– Низачем. Просто хочу.

Привратник не двинулся с места, но передвинул морщины на лице в новое положение.

– Гм... Хочешь, значит. Гм-гм... Это замечательно. Ну

что ж, обоснуй свое право хотеть, а я тебя внимательно слушаю.

– Ну... это... Мне просто хочется, – выдавил я куда менее уверенно. – Почему мне нельзя выйти?

– А почему тень направлена в сторону от света? – спросил старик. – Почему солнце греет, а ветер холодит? Почему идет дождь? Почему жук кусает червяка, а не наоборот? Почему ночью на ясном небе можно разглядеть невооруженным глазом примерно три с половиной тысячи звезд, а не сто тысяч и одну? Как ты думаешь?

Я пожал плечами и сказал, что не знаю. Вопросы показались мне редкостно глупыми. В самом деле, какая может быть связь между ограничением моей свободы и тенью? Какое мне дело до звезд и полудохлого червяка?

– Потому что все в мире устроено рационально, а значит, наилучшим образом, – ответил старик, с удовольствием наблюдая мое замешательство. – Ты знаешь слово «рационально»?

Я знал. Рационально – это когда деталь у тебя получается в наименьший срок и при минимуме отходов. В общем, как мастер нас, неумех, учил, тыча носом в гору напрасных стружек, так я и ответил.

– О! – сказал старик, подняв кверху палец, и, по-моему, обрадовался. – При минимуме отходов! Это важно. Это даже главное, если по большому счету. Вот с главного и начнем. Как ты думаешь, с чего это вдруг человечество встало

на Путь Обновления?

– С открытием способности людей к телепортации, – пробубнил я заученное. – С Сандры Рамирес.

– Очень хорошо. По истории, вижу, успеваешь. А ты случайно не задумывался: существовали ли иные пути?

Я угрюмо молчал. Мне было совершенно ясно, что этот говорливый старичок никогда не выпустит меня за ворота интерната. Хотелось повернуться и молча уйти, но я все-таки остался. Обида обидой, а любопытство любопытством. До сих пор никто из взрослых не спрашивал моего мнения – все просто учили.

– Не было иных путей! – пронзительным петушиным фальцетом выкрикнул вдруг привратник и добавил тише и проникновеннее: – Не было, понимаешь? Совсем. Если не считать те пути, что вели человечество прямо в могилу. А ну-ка скажи мне: что было в мире до становления на Путь?

– Ну... этот... патриархат был, – нехотя припомнил я первые страницы учебника. – Мужское иго... Женщинам... то есть людям слова не давали сказать... Ну, там, раздробленность мира, войны всякие...

– Правильно, – перебил он. – А почему, знаешь? Очень просто: потому что мужик по сути своей охотник, хищник, в азарте и алчности не знающий преград, а настоящий человек, то есть женщина, – собиратель и хранитель всего самого лучшего. Стабилизирующее начало, иначе берегиня. Без Сандры Рамирес, Ханны Гертлиц, Маргарет ван Хаймс

и Анастасии Шмалько тебя в худшем случае не существовало бы вообще, а в лучшем случае ты сейчас ползал бы по помойкам в поисках пищи. Вроде крысы, только хуже. Гния заживо. Скажи-ка, ты голоден?

Я помотал головой.

– Ну то-то. Если бы вам давали историю более подробно, ты знал бы, что лет двести назад трезвые умы представляли себе наше время совсем иначе. Перенаселение – раз. Полное истощение ресурсов вследствие перенаселения и нерационального хозяйствования – два. Голод и вымирание миллиардов людей вследствие истощения ресурсов – три. Потеря немногочисленными сытыми цели и смысла бытия, наркотики, деградация и вырождение – четыре. Без всяких войн загнали бы себя в каменный век, озверели бы и начали с увлечением грызть друг другу глотки. Да что там прогнозы – уже в то время недоедало две трети населения Земли. А сейчас?

Великим спорщиком я не был, но тут начал возражать, больше из принципа, чем по сути. Очень уж мне не понравилось, что кругом прав этот дедок, а не я. Короче говоря, среди тех, кого наши мастера-наставники допустили только до циркулярной пилы и рашпиля, был Генка, до училища воспитывавшийся в подготовительном интернате имени Софьи Ковалевской. Вот он-то и рассказывал, как на территорию их интерната, расположенного где-то на юге посреди ковыльной степи, иной раз заползали степные черепахи. Их ели. «Глядишь – суповой набор ползет. А то еще в золе можно запечь.

Вку-усно...»

Пронять старичка этим рассказом мне, однако, не удалось ни в какой мере.

– «Вку-усно»! – передразнил он. – Я тебе о голоде, а ты мне об изысках. Он голодал? Нет? Тогда оставим твоего дружка в покое. Сейчас на Земле живут шесть миллиардов человек и четыре миллиарда эксменов, причем сыто живут! При необходимости Земля прокормит еще столько же, если не больше. Забота о потомстве, практическая евриеника! Почти повсеместный отказ от наркотиков, включая табак. И причина всей этой благодати – женщины! Женская твердая рука. Размеренность, порядок и разум. А ты говоришь – вый-ти!.. С какой стати? Потому что тебе так хочется? Дави в себе первобытные желания, и будешь жив. Мало того, дашь жить другим, включая тех, кто еще не родился. Свободы захотел? Относительная свобода, милый мой, бывает на необитаемом острове, да только кому она нужна, такая свобода? Понял? Иди.

Полминуты назад я бы и сам ушел с удовольствием, но тут уж остался из чистого упрямства. С какой стати мною будет командовать привратник-калека? Только сейчас я заметил его кривую ногу и палочку, прислоненную к скамейке. А старик пожевал губами и, видно, забыл, что прогнал меня. Слова из него выскакивали складные и помногу.

– И экология, – продолжал он. – Ты смог бы когда-нибудь дышал? Я тоже нет. И не хочу, потому что представляю себе,

что это такое. Помню еще по рассказам. А теперь и в мегаполисах дышится почти как на природе, – а почему? То-то же. Ты городскую свалку пять на пять километров когда-нибудь видел? Вечно горящую? А свалку радиоактивную? Поверь на слово: никогда не увидишь. Их нет. Производство, особенно химическое, – только безотходное. Или, скажем так, почти безотходное. Дорого, но жизнь на Земле того стоит. Ничего одноразового, кроме того, что само распадается за неделю. Долговечность и ремонтпригодность! Никакого морального старения – только материальное! Есть автомобили старые и новые, но не бывает автомобилей немодных! Никто не купит бытовую технику, которая развалится через два года, потому что никто ее не произведет и не продаст. Тем более никто не выбросит на помойку работоспособную, но вышедшую из моды вещь. Загрязнение среды – лишь абсолютно необходимое, с последующей рекультивацией. Вырубил дерево – посади три и добейся, чтоб выросли. Чистота и красота, понял? Осетры в реках, фазаны в степях. Антропогенная... в смысле, человеческая нагрузка на природу еще и теперь ниже, чем природа способна выдержать. Это плохо? А энергетика? Ты ветряки в степи видел?

Я сердито сказал, что не видел, и дед обрадовался:

– А ты сходи посмотри прямо сейчас! Во-он туда, за третий корпус и налево. Там в одном месте их можно увидеть. Тоже мне, исследователь мироздания, все ему сразу вынь да предьяви. Ты начни с малого! – И старик, потеряв ко мне

интерес, вновь принялся следить за поединком жужелицы с издыхающим червяком.

Разобиженный, ругая про себя привратника на чем свет стоит, я и пошел за третий корпус начинать с малого: глазеть сквозь решетку на ветряки. Их и в самом деле можно было разглядеть сквозь чахлый перелесок. В общем-то ничего особенного: километрах в двух от интерната довольно-таки лениво вращалось около трех десятков огромных пропеллеров на стометровых мачтах. День был тихий, но я сообразил, откуда в ветреную погоду приходит низкий дрожащий гул, заставляющий резонировать оконные стекла в наших спальнях. А уже через несколько секунд все на свете ветряки навсегда перестали занимать мое внимание.

За оградой была девочка. Ну, девочка и девочка, скажете вы, что тут особенного? Однако попытайтесь поставить себя на мое место. До того дня количество виденных мною женщин с высокой точностью равнялось четырем, и все они отнюдь не отличались юным возрастом. А это существо, по-видимому, было даже младше меня!

Платице. Первоматерь моя Люси, я впервые видел платице! Голые побитые коленки, ссадины и болячки, смазанные зеленкой, – ну все как у нас! Тем не менее я сразу понял: она не такая, как мы, она иная. И вслед за осознанием этого простого факта немедленно явилось раздражение. Безумно захотелось оказаться рядом с ней – не знаю зачем. Может быть, чтобы прогнать. Какого черта она делает возле нашей

территории?

Девочка собирала грибы. Ее лукошко было до половины заполнено крепкими пузатыми боровиками вперемешку с огненными лисичками, и она, нимало не интересуясь корпусами интерната, растущими по ту сторону периметра, старательно шевелила прутиком траву, то и дело приседая, чтобы срезать очередной гриб. А потом, как видно, почувствовала на себе мой взгляд. Во всяком случае, мне так кажется, поскольку не припомню, чтобы я издал хоть какой-нибудь звук.

Мгновенный страх – вот что я увидел в ее глазах. Так пугаются, обнаружив поблизости большого хищного зверя или какую иную буку, – и моментально успокаиваются, заметив, что бука заключена в прочную клетку.

Не знаю, какого зверя она во мне увидела, но уж явно не из тех, к кому хочется подойти поближе и кинуть через решетку кусочек печенья. Более того, справившись с первым страхом, окинув меня взглядом, исполненным высокомерно-го презрения и едва ли не гадливости, эта сопливка немедленно вернулась к сбору грибов, как будто меня не существовало!

Возьмите скальпель и попытайтесь найти в живом теле душу. Искромсайте, но найдите. Найдя – плюньте в нее.

В этот момент я перестал контролировать себя.

Не знаю ни одного тихони, кому хоть раз в жизни не случилось сорваться с нарезки, а тихоней я не был. Кажется, я зарычал и завыл, как зверь. Я и был зверем, готовым кинуть-

ся в драку и загрызть, клубком бешеной ярости. Забыв о том, что передо мною стальные прутья решетки, я рванулся вперед...

По идее, я должен был удариться об ограду, уподобившись разъяренному бабуину в вольере, и быть униженным издевательским смехом девчонки – конечно, если бы та удостоила меня хотя бы такой реакции. Вместо этого вокруг меня сгустилась лиловая тягучая мгла, сопротивлявшаяся моим движениям, словно клейстер или мазут. Я даже не удивился в первые несколько секунд и не испугался, а продолжал яростно рваться вперед, не видя куда, раздвигая собой вязкий лиловый кисель, зная только, что рвусь вон из опостылевшей клетки...

По счастью, я не сделал ни одного вдоха. Впрочем, задержать дыхание в Вязком мире показалось мне столь же естественным, как в воде. И даже не мне показалось, а моим рефлексам. Странно, ведь я никогда не опускал голову в воду, да и негде было. Мы не купались. По сей день процент эксменов, умеющих плавать, чудовищно низок. Никаких бассейнов и ванн – только душ.

А потом я выскочил из лилового киселя – как раз тогда, когда моя ярость начала сменяться закономерным страхом. Так что, когда я внезапно оказался на траве между оградой интерната и девочкой, еще неизвестно, кто из нас был больше напуган.

Пробежав по инерции еще несколько шагов, я остановил-

ся. Очень крепко озадаченный. Вывалившись из мира, где «все не так», я даже не сразу сообразил, что «не так» в привычном солнечном мире на крохотной лужайке между оградой и перелеском.

— Ма-а-ма-а-а!...

Вот что было не так: кричала девочка, совершенно белая от ужаса. Лукошко она уронила, и крупный боровик с коричневой шляпкой выкатился из него на траву. Дикий, грязный, отвратительный зверь, вроде гиены, вырвался на свободу!

— Ма-а-а-а-ма-а-а!..

Невольно попятившись, я зажал ладонями уши. И сейчас же девчонка, подхватив лукошко, пустилась бежать — только пятки засверкали. Теперь ужас почувствовал я. Если где-нибудь поблизости действительно бродит ее мама...

Весь в поту и мурашках я повернулся и побежал.

Дважды я налетал на решетку, точно слепой, набил несколько синяков, без толку тряс толстые прутья, всхлипывал и едва ли не рыдал в голос, мечтая лишь об одном: как можно скорее оказаться ТАМ, в привычном мирке внутри ограды, откуда я так недавно мечтал вырваться. На мое счастье, корпуса интерната глядели на ограду слепыми кирпичными стенами, так что никто не видел меня и, похоже, никто не слышал пронзительного девчоночьего вопля. Мне повезло.

Третья попытка принесла удачу.

Я уже понял, что надо сделать, чтобы оказаться ТАМ: за-

хотеть. Не бросаться на решетку, не ломиться дуром – просто захотеть. Очень-очень. И чуть только передо мною сгустилась пугающая, но такая желанная лиловая мгла, я рванулся в нее, словно в дверь, готовую вот-вот захлопнуться.

Труднее всего оказалось войти, но и двигаться в Вязком мире (тогда я еще не знал, что он так называется) оказалось совсем не просто. С такой же «грацией» бредет по дну водолаз в глубоководном скафандре, волоча за собой шланг. Так вязнет в сиропе муха. А главное – ничего не было видно. Для верности я отсчитал десять шагов и лишь тогда позволил себе вынырнуть в настоящий мир, к свету.

Это оказалось легко. Гораздо легче, чем нырнуть в вязкую мглу.

Я был внутри ограды интерната. Еще два-три шага – и я уперся бы в стену корпуса.

Позднее меня мучили глупые сомнения: что со мной случилось бы, сделай я в Вязком мире те самые два-три шага? Остался бы навсегда вмурованным в стену? Взорвался бы с мощью ядерной боеголовки от реакции между атомами моего тела и силикатного кирпича? Вообще не смог бы покинуть Вязкий мир, поскольку место выхода было занято?

Правильным было последнее предположение, но тогда я этого не знал и, ясное дело, натерпелся страху, вообразив себе немало всяких ужасов о том, что могло мне грозить.

Чуть позже я понял, что грозить мне могло совсем другое. Но – обошлось. На первый раз. Не то чтобы я решил пре-

кратить эксперименты с Вязким миром – как раз наоборот: зуд повторить опыт был нестерпимым, а еще сильнее хотелось рассказать кому-нибудь о моей тайной способности, каким-то боком равняющей меня с настоящими людьми, – однако я заставил себя держать рот на замке и очень хорошо сделал. Умение не подставить себя в любой ситуации – это наука, которую мне пришлось одолевать без учебников, без наставников, без права на ошибку.

Думаю, та девчонка в конце концов решила, что ей напекло голову до галлюцинаций. А может, она промолчала о том, что видела, не желая прослыть выдумщицей. Наверняка я знаю одно: она ничего не сказала своей маме, иначе меня стали бы искать. И очень скоро нашли бы. Сколь ни фантастична история о телепортации существа с ХУ-хромосомным набором, взрослые тети обязаны были всполошиться, несмотря на то что легенды о мужской телепортации появились, оказывается, задолго до моего рождения. Слишком высоки ставки. Незакомплексованность девчонки могла принести плоды – лично для меня крайне неприятные.

Я бы просто исчез.

Глава 3

БЕГЛЕЦ

На ринге опять кого-то молотят, идет уже пятая схватка, и, судя по вою амфитеатра, публика заведена до предела, но мне туда не надо. Я иду к Маме Клаве, это совсем в другую сторону. Еще неизвестно, куда лучше. Что вдруг потребовалось Маме от скромного бойца Тима по прозвищу Молния?

Рабочий кабинет Мамы Клавы находится этажом выше, всего в трех минутах ходьбы, но я выбираю кружной путь по пешеходной галерее над крытым стадионом и иду все пять. А главное – на галерее есть одно место, откуда насквозь виден короткий коридор, ведущий к кабинету Мамы. Нелишне осмотреться, прежде чем совать голову в крокодилью глотку.

Кажется, чисто. Пуст коридор. На стадионе тренируется женская футбольная команда, стучат бутсы по мячам, но мне до них дела нет. Игрокам до меня тем более. Гм... а не впадаю ли я в паранойю со своим вечным страхом быть разоблаченным? В конце концов Саблезубый в больнице, Гойко подчистил запись того паскудного боя, да и телепортировал я на ринге самую-самую малость. Кто мог заметить? Одна секунда в Вязком мире – это в среднем полторы микросекунды в мире настоящем. Разница почти в семьсот тысяч раз! Плюс-минус два порядка.

Я прохожу точку, где шум амфитеатра над рингом «Смер-

тельной схватки» сникает перед ревом трибун ипподрома, тоже входящего в спортивно-зрелищный комплекс. Там сегодня собачьи бега. Что-то тихо на удивление. Наверное, главные фавориты в программе не участвуют.

И все равно ипподром ревет громче амфитеатра, даром что вынесен из колоссального здания комплекса на вольный воздух. Там просто больше зрителей.

Не знаю, искренне ли они предпочитают бега породистых барбосов дракам диких мужиков. Но это зрелище считается более благопристойным и пока не вызывает нареканий со стороны Совета Цензоров. Ни муниципального, ни федерального.

В короткий коридор – как в мышеловку. Не вижу никаких признаков того, что дверца может захлопнуться, однако предчувствие у меня скверное.

– Вызывали?

Так и есть, Мама Клава не одна. В ее кабинете уютно расположились еще трое: холеная, подтянутая женщина средних лет в строгом дамском костюме и две женщины помоложе, одетые в одинаковые брюки и блузы. Та-ак. Со всем скверно. Штатское, но одинаковое – это мы проходили. Неистребимый стиль скорохватав из федеральной безопасности. Крепенькие девочки. Моментально дают себя знать потревоженные Тамерланом ребра. Ноют все сразу. Хором.

Мышеловки бывают разные. К сожалению, для мышей они гибельны в любом случае.

Мама Клава выглядит просто ужасно. Словно ее, а не Витуса только что вдрызг исколошматили на ринге. Аллергические пятна на ее лице налиты густым свекольным цветом. На какой-то миг я даже пугаюсь не за себя.

– Проходи, Тим...

Если уж влез в мышеловку такой конструкции, что не перешибает сразу пополам, – не ломись сразу назад. Сперва осмотришься.

– Ближе, ближе. – Холеная дама улыбается.

Подхожу ближе. Весь внимание.

– А что, Тимофей Гаев, не засиделся ли ты здесь?

– А? – с бестолковым видом спрашиваю я, сонно моргая.

Личина тупоумия – вечная моя выручалочка. И спохватываюсь, изобразив испуг, как всякий, кто не хочет получить электроразряд за неподобающее обращение: – О чем говорит госпожа?

Засиделся? На моей физиономии цепко сидит тупое недоумение: как я, эксмен, могу позволить себе сесть в присутствии настоящих людей без специального приглашения? Вернее, без приказа.

– Ты ведь прежде работал техником-метрологом в конструкторском бюро при заводе космической техники имени Савицкой? – ласково спрашивает холеная дама. Ее подручные молчат. – А до этого там же техником-наладчиком?

Киваю:

– Да, госпожа. Пять лет стажа, госпожа.

– А почему уволился?

– Меня уволили, госпожа. За профнепригодность.

Она и не ждет от меня иного ответа.

– Мы просмотрели твое дело. Ты напился пьян и вдребезги расколотил ценный прибор. Случайно, конечно. Поскользнулся при переноске. За что был подвергнут принудительным работам сроком на один месяц и уволен по отбытии наказания. После чего прижился здесь. Так?

– Так, госпожа.

– Тебе здесь нравится?

– Да, госпожа.

– И ты больше не позволяешь себе спиртного?

– Нет, госпожа. Ни в коем случае.

Она улыбается.

– Почему? Ведь не секрет, что достать самогон в мужских кварталах – проблема решаемая. Усилиями нашей полиции и добровольной помощью сознательных эксменов средний срок действия самогонной точки снижен до двух месяцев, однако полностью искоренить эту заразу пока не удастся. Тебе это неизвестно?

– Известно, госпожа.

– И ты хочешь сказать, что за последние полгода ни разу не употребил алкоголь?

– Точно так, госпожа. Кроме пива в разрешенном количестве, госпожа.

– Почему? Не хочется? Только честно.

– Как не хотеть, – тяжело вздыхаю я. – Но ведь нельзя же... В любой момент могут вызвать на ринг... на замену... вот как сегодня... хорош я буду... И вообще, форму надо поддерживать...

– Госпожа, – напоминает она.

– Так точно, госпожа.

Она смотрит на меня с большим интересом, и этот интерес мне совсем не нравится.

– А скажи мне, Тимофей Гаев, он же Тим Молния, не было ли у тебя личной причины быть уволенным из конструкторского бюро?

– Э... простите, госпожа?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, – улыбается дама. – Ты был там на хорошем счету. Кое-какие твои идеи используются до сих пор. Дисциплинированный, думающий технарь. Красивый и здоровый спермодонор первого разряда... сексуально привлекательный для людей с атавизмами в психике... Верно?

Под ее взглядом в упор я стараюсь выглядеть уже не растерянным дебилом, а клиническим олигофреном. Может, она поверит, что на ринге мне вышибли последние мозги?

Верьте мне. Боец же. Уже полгода. С утолщенной по Ламарку лобной костью за счет мозгов.

Ага. Мечтай, мечтатель.

– Ты умный парень, Тимофей Гаев, – с удовольствием говорит дама. – Умный и осторожный. А при случае – реши-

тельный. Когда твоя непосредственная начальница проявила к тебе нездоровый сексуальный интерес, ты испугался. Когда же этот интерес стал чересчур настойчивым, ты не вообразил, будто кривая вывезет, а с помощью друзей провернул хитрую комбинацию, в результате которой был переведен в другой отдел. Когда же твоя бывшая начальница – не беспокойся, она сейчас на принудительном лечении – распалилась яростью и ждала только случая подставить тебя по крупному, ты сумел это понять и упредил – украл технический спирт, надрался свинья свиньей и расколотил прибор, вследствие чего вышел из опасной ситуации с наименьшими потерями. Умно. Глупцу, принявшему роль, от которой ты отказался, повезло куда меньше...

В этом сомневаться не приходится. Не хочется даже думать о том, какая участь уготована мужику, уличенному в сексуальной связи с настоящим человеком. Эксмен, ставший настоящим самцом, обречен и может считать себя счастливым, если уйдет в ничто без мучений.

Бедный глупый Шурка Костяков... Мир праху. А ведь предупреждали его, внушали открытым текстом, едва не кричали: не жди удава, кролик, беги во всю дурь – все равно куда, но беги! А он только вздыхал да демонстрировал тоскливую обреченность: куда, мол, убежишь...

Нет, не глупый он был. Просто нерешительный, с атрофированной волей. Типичный эксмен. Трудно такому не плыть по течению в мире, где все продумано и выверено за столетие

до твоего рождения. Но даже в прекрасно зарегулированной реке встречаются опасные водовороты.

Можно верить, что течение само пронесет мимо. Можно – не верить и грести. Разумеется, не против могучего потока – это бесполезно, – а наискось.

И тогда, быть может, водоворот останется позади.

– Ты знал об этом?

– Нет, госпожа.

– Ты не поддерживаешь связь со своими старыми товарищами?

– Нет, госпожа. А надо?

Похоже на невольную дерзость – от избытка простодушия. Уже зря. Моя маска врожденной тупости отваливается кусками, пора стряхнуть с себя ошметки.

Дама пропускает мою реплику мимо ушей.

– Почему ты не доложил куда следует о поведении своей начальницы?

– Кто поверит эксмену, госпожа? Возьмут только на заметку. Мне это надо?

Обе спутницы холеной дамы настораживаются – моя маска сброшена. Пусть думают, что под ней лицо.

– Не хочешь привлечь к себе внимание, Тим?

– Мне не нужны неприятности, госпожа.

– А работа тебе нужна?

– Кхм. Простите, госпожа?

– Мы собираемся предложить тебе работу, Тим. Новую

работу, отчасти связанную с твоей основной специальностью и очень ответственную. Согласен обсудить детали?

Последняя соломинка для утопающего:

– Мама Клава?

На нее страшно смотреть. Нет, в данной ситуации она ничего не сможет для меня сделать.

– Молния у меня лучший боец, – хрипит она, бессмысленно пытаясь прикрыть крылом желтенького пушистика. Беспардонно врет, конечно: я вовсе не лучший боец в ее шоу. Даже в своей весовой категории.

Жаль, что у нашей квочки не стальные легированные крылья. Эти ястребы попросту не обращают внимания на Маму Клаву.

– Разве требуется мое согласие? – резонно спрашиваю я.

– Представь себе, нам желательно его получить, Тим. Повторяю: работа крайне ответственная, сложная... и, возможно, опасная. На такую работу не гонят из-под палки, на нее нанимают заинтересованных людей, подходящих по всем статьям. Ты подходишь. Мы намерены тебя заинтересовать. Все равно эта мордобойная контора, – следует кивок в сторону Мамы Клавы, – доживает последние дни, так что тебе прямой смысл подумать о будущем. У тебя здесь не осталось ничего ценного?

Подумав, качаю головой:

– Нет, госпожа, ничего. Но...

– Что «но», Тим?

Делаю судорожный вдох.

– Если это от меня зависит – я отказываюсь.

– Боишься риска, Тим?

– Предпочел бы обойтись без него, госпожа. Насколько это возможно.

Федеральная безопасность в секундной растерянности. Краем глаза замечаю, что Мама Клава уже не столь похожа на разлагающегося покойника, как полминуты назад. Что, мол, федералы, получили свое?

Она их просто плохо знает.

Углы рта холеной дамы трогает всепонимающая улыбка:

– Ты постоянно рискуешь на ринге, Тим. Ты участвовал в двух... да-да, в двух смертельных схватках без правил на потеху развлекающейся публики. Ты убил одного противника и покалечил другого, но и тебе досталось... Тебя ведь тоже могли убить, тем более учитывая твой тогдашний малый опыт, верно, Тим? Даже теперь, когда смертельные бои запрещены, ты рискуешь случайно получить на ринге травму, несовместимую с жизнью. Тебя ведь не сам риск пугает, верно? Ты по психологическому портрету не заядлый игрок, но все же игрок. Ты игрок рассудительный, поэтому предпочитаешь не играть там, где не видишь шанса выиграть. Сейчас ты, конечно, вообразил, что от тебя потребуют несуразно много, взамен чего посулят столь же несуразную оплату – чересчур громадную, чтобы имело смысл платить, когда проще убрать претендента по завершении его миссии. Не от-

прирайся, Тим, ты ведь подумал об этом?

Она читает мои мысли. Неужели у меня все на лице написано?

Стою столбом, молчу. Что вам надо от меня? Душу? Не продаю. Нечего там продавать – нет у меня души. Высунулась однажды, поглядела на мир и сбежала неведомо куда.

– Ты ошибаешься. Сейчас мы проедем в одно место, там тебе подробно растолкуют суть нашего предложения и дадут необходимые гарантии. Уверена, ты отнесешься к ним с предельным вниманием. Это, кстати, в твоих личных интересах.

– Ваш слуга, госпожа.

У меня снова деревянное рыло. Если уж от меня ничего не зависит – надо быть проще. Все равно что расслабиться и получить удовольствие.

С деревяшки можно снять стружку. Можно расколоть ее колуном. Можно сжечь. В любом случае деревяшка бессильна возразить – так, чтобы ее палач отказался от своего намерения. В лучшем случае она может воспользоваться неосторожностью палача и посадить ему занозу. Но это уже от крайности... пропадать, так с музыкой.

Холеная дама поднимается с кресла, идет ко мне, по-прежнему улыбаясь.

– Рада, что ты это помнишь, Тим. Хороший слуга исполняет приказы быстро и без раздумий. А потом искренне радуется справедливо полученной награде. Право, жаль, что ты пока еще не очень хороший слуга... Ты подвергаешь со-

мнению слова своих хозяев и не хочешь исполнять даже их просьбы, не говоря уже о приказах. Но ты захочешь... ты очень захочешь их исполнить, глупый эксмен Тимофей Гаев. Это совсем не трудно – заставить захотеть...

Она усмехается прямо мне в лицо:

– Не советую тебе телепортировать, Молния...

Последнее, что я вижу в кабинете Мамы Клавы, – ее мясистое лицо с ярко пылающими багровыми пятнами, отпадающей челюстью и отечными веками, распахнувшимися сейчас до крайнего предела. Она начала понимать...

Я проваливаюсь в Вязкий мир и пытаюсь бежать в нем, чего нельзя делать, – вернее, можно, как можно делать все бесполезное. Лиловый кисель не понимает, когда сквозь него прут дуром, как лось через тайгу. Выигрыш в скорости ничтожный, зато сил тратится уйма. Ох, как мне нужны сейчас эти силы!..

Медленнее, кретин, медленнее! Не паникуй. Все равно до танка тебе далеко, поэтому не прорывайся напролом сквозь Вязкий мир, а ПРОДАВЛИВАЙ его медленно и неуклонно, ДИФФУНДИРУЙ в нем – и не разочаруешься в результатах.

Не паникуй... Легко сказать – сделать труднее. Но надо.

Если я не ошибся направлением, сейчас самое время взять немного вниз...

Вынырываю и падаю с небольшой высоты прямо на чью-то голову. Подо мною кто-то охает на вдохе. Прошу прощения, я не хотел... Качусь кубарем, вскакиваю... Гулкие хлоп-

ки телепортирующей на крытый стадион спецкоманды, отражаясь от высокого потолка, кажутся громче, чем они есть. Ого... Сколько же вас тут – целый десяток? На одного эксмена? Значит, вы знали, кого идете брать?

Стоп-кадр. Футболистки замерли, еще не успев понять, что происходит.

Ныряю вслепую, успев лишь глотнуть воздуха. На то, чтобы осмотреться и точно определить направление следующего нырка, мне требуется по меньшей мере секунда; моим тренированным преследователям – куда меньше. А значит, секунды у меня нет.

Снова мучительно долго раздвигаю лиловый кисель.

Вынырнуть с первой попытки не удастся. Быть может, на этом месте застыла фигура оторопевшей футболистки с открытым ртом, а может быть, я взял ниже, чем следует, и ушел в пол.

Вверх и в сторону!

Вышел.

Вдохнул. Нырнул.

Игра в прятки-догонялки. Отследить движущегося в Вязком мире человека невозможно – ни визуально, по вихревому следу, который он тащит за собой, ни какими-либо методами локации. Радиоволн, например, этот лиловый кисель вообще не пропускает, а звуковые колебания гаснут в нем очень быстро. За полтора века никто из телепортирующих не встретил в Вязком мире не то что человека – вообще ничего,

кроме однородной субстанции. Несмотря на легенды, никто еще не смог предоставить убедительных доказательств хотя бы одной такой встречи – в том числе в максимально благоприятных условиях экспериментов. Либо он очень велик, этот мир, либо у каждого он свой.

За секунду можно прицелиться, хотя бы грубо, и пустить очередь веером. Вряд ли меня хотят убить – это можно было сделать куда проще, – скорее попытаются обездвижить специальными ампулами. Попадет заодно футболисткам – их беда. Обратимая.

Еще проще и надежнее вынырнуть в метре от меня. Тут не надо ни стрелять, ни бить, достаточно вцепиться в меня любым захватом, имитируя груз, превышающий пороговый, и продержаться полсекунды. Навалившись впятером, эти бабы сомнут даже Тамерлана. Вот и еще одно странное свойство Вязкого мира: еще никому не удавалось уйти в него из чужих объятий или из наручников, если второй браслет сидит на чужом запястье. Никому не удавалось втащить в него другого человека.

Разве что моей маме... Но я был ребенком. Легоньким.

Футболистки – моя единственная надежда. Если они с перепугу начнут телепортировать по залу – у меня появится секунда-другая, чтобы осмотреться.

После пятого нырка до меня доходит, что первоначальный расчет был верен. Хотя какой там расчет – скорее уж интуиция. В толпе женщин может затеряться даже эксмен, если

эта толпа поддавалась панике.

Крытый стадион сотрясается от канонады — под сводами мечется эхо воздушных хлопков от быстрых и хаотичных телепортаций десятков людей. Броуновское движение и туннельный эффект разом. Без сомнения, где-то вовне этого ополоумевшего муравейника находится наблюдатель, хотя бы та холеная дама, — а то и несколько наблюдателей. Но, чтобы вычленить меня в бестолковой суете, им тоже нужно какое-то время, пусть малое.

Мне хватит.

Две телепортации подряд. Первая — только для того, чтобы сбить наблюдателей с толку. Вторая, прицельная — вверх. Попал! Я на пустой пешеходной галерее над стадионом. Рывок — вдох — нырок...

Со стороны это, вероятно, выглядит забавно: я внезапно исчезаю прямо на бегу, метров через двадцать-тридцать появляюсь вновь, пробегаю пару-тройку шагов, чтобы снова исчезнуть и в ту же секунду проявиться еще дальше, и так несколько раз. Рвусь из сил и из всех сухожилий, как было сказано кем-то еще в Темные века мужского господства. И в Вязком мире рвусь, и в нашем, вещном. Только серия хлопков за мной — бах-бах-бах...

Зрелище, должно быть. От души надеюсь, что никто его не видит. Если сейчас я не уйду в отрыв, то не уйду вообще. Ушел?..

Нет.

Она ошибается – выныривает буквально в шаге передо мной, не успев поднять оружие. Я лечу, как таран в крепостные ворота, а может быть, не как таран, а как баран – какая разница, в конце концов, – сшибаю ее, падаю сам и ухожу в следующий нырок в падении.

Воздуха в моих легких хватает на пятнадцать шагов – шажков! – в Вязком мире. Выныриваю – два судорожных вдоха – успел!

Успел нырнуть, а выныривать на галерею уже не стоит – наверняка там ждут меня с нетерпением. Если я сию секунду не изобрету какой-то хитрый финт, меня схватят. Телепортировать из комплекса на площадь? В два приема, пожалуй, дотяну – а потом? На площади Сандры Рамирес перед глыбой храма Первоматери я гол и беспомощен, скрыться там некуда. Сдаться? Угу. Расслабиться и получить удовольствие...

Есть еще один вариант, любезный моим пылающим легким: вдохнуть в Вязком мире полной грудью.

Там, кроме водорода, гелия, азота, аргона, – аммиак, угарный газ, циан, цианистый водород, ядовитая высокомолекулярщина... Это, конечно, тоже воздух, его можно вдохнуть. Один раз или два. Я сам приносил из Вязкого мира пробы на анализ – масс-спектрограф подтвердил тот же процентный состав газовой смеси, что фигурировал в любом школьном учебнике телепортации.

Полтора века назад считали, что Вязкий мир, возможно,

не что иное, как не очень глубокие недра какой-нибудь распухшей газовой планеты, вроде Сатурна. Тот слой, где еще не жидкость, но уже и не совсем газ. Тогда наивно верили, будто этот лиловый кисель – плоть от плоти нашего мира, только расположенный неизвестно где и почему-то соединенный с нашей планетой бесчисленными незримыми каналами. Самое смешное, что эта гипотеза продержалась довольно долго, обрастая, как полипами, диковинными допущениями, непрерывно надстраиваясь и усложняясь в попытках объяснить простое при помощи сложного, пока наконец не развалилась от удивления собственной несуразностью.

Гораздо дольше просуществовала (и, несмотря на сдачу некоторых позиций, существует до сих пор) гипотеза, выносящая Вязкий мир за пределы нашей Вселенной, – истинное раздолье для научных спекуляций. В самом деле, отчего бы той вселенной не быть замкнуто-гомогенной, без звезд, планет, магнитных полей и прочей излишней, с ее точки зрения, дребедени? И кто осмелится утверждать, что там обязаны действовать те же самые физические законы, что и у нас?

И все-таки антропная версия, полагающая Вязкий мир изначально присущим человеку, в последние годы находит все больше приверженцев, несмотря на ее кажущийся идеализм. А главное, она великолепно вписывается в государственную идеологию и греет души людей. Женские души. Мужчина, эксмен, не может проникать в Вязкий мир по определению.

Биологи еще не разобрались, в чем тут дело. Считается,

что в Y-хромосоме, – по крайней мере, эта версия приведена в школьных учебниках телепортации. Мало кто ломает над этим голову – важен факт, а не его причина. Но вот ведь незадача: у меня есть Y-хромосома, я не женщина и не неплодный уродец с мужской анатомией и XX-хромосомным набором, я нормальный эксмен и даже спермодонор, а вот телепортирую...

Лучше большинства настоящих людей. Но, конечно, хуже тренированных профессионалок из спецкоманд.

У них портативные дыхательные аппараты, очень удобные и позволяющие при необходимости оставаться в Вязком мире в течение десятков минут. У них мази и аэрозоли, защищающие тело от медленного отравления через кожу и слизистые. У них скользкая обтягивающая одежда, облегчающая движение в киселе Вязкого мира. Разумеется, у них легкое, портативное и надежное оружие.

А куда я, собственно, свернул, куда протискиваюсь в лиловом желе?

Вот оно что: третий вариант. Давным-давно оговоренный с Гойко Молотилкой, Ваней Динамитом и Русланом Хабибуллиным по кличке Тамерлан. Операция «Экстаз» – чтобы никто не догадался...

Как это мое сознание не успело поучаствовать в решении? Что-то там во мне прикинуло: направление телепортации определено, дальность доступна, ну и сигай. Я и сиганул, не подумав о последствиях. Простите меня, ребята...

Думаю, они побили бы меня, узнав о моих сомнениях. Они прекрасно осознают, что выбрали неблагодарное амплуа группы поддержки и просто обязаны лечь за меня костями. Мой щит и моя броня, мое прикрытие, расходный материал в случае необходимости. Об этом было говорено тысячу раз. И в конце концов, если их не изрешетят сгоряча, то скорее всего ничего несовместимого с жизнью им не грозит – ну помурывают под следствием, ну отправят лет на десять замаливать грехи куда-нибудь на лесоповал или строительство Байкало-Камчатской магистрали. И так отправят: яснее ясного, что наша конспиративная ячейка провалена. Без всякой крамолы моим друзьям после ликвидации «Смертельной схватки» светил бы край вечнозеленых помидоров – ну куда еще девать могучую, но абсолютно неквалифицированную рабсилу?

Логично. Железная логика труса и подлеца, ушмыгивающего за чужие спины от расплаты.

Оправдание можно сыскать всегда – от мировых катастроф до не вовремя развязавшегося шнурка – и оправдать что угодно. Если будешь очень настойчив, тебе поверят.

Эх, Ваня, Гойко, Руслан... Почему вы никогда не назовете это трусостью и подлостью? Почему вы не простите мне, если я не вынесу мерзости собственной душонки и вдохну Вязкого мира?

А почему тень направлена в сторону от света, как говорил один мой старый знакомый? И почему жужелица кусает чер-

вяка, а не наоборот?

По логике. Гадостная это штука – логика.

Нырок долг – надо обойтись без промежуточных выныриваний. Хорошо я буду, если в раздевалке меня ждет засада!

Попытка вынырнуть – и неудача. Мечусь вправо-влево, вверх-вниз. Глаза застилает чернота, я уже не вижу лиловую мглу...

И падаю из-под потолка, круша банкетку. Вдох! Еще! Невыносимая сладость спертого, с крепким запахом пота – но воздуха.

Рыба. Пойманный на уд и небрежно брошенный в пакет карась, уже полузадохшийся, сумел удрать и дошлепать до воды.

В раздевалке та же компания: двое служителей в униформах, побитый Витус Смертельный Удар, уже принявший душ и полуодетый, Тамерлан, Молотилка и Динамит. На миг удивляюсь, почему трое последних все еще торчат здесь, – и понимаю почему.

О том, как ошарашены служители и Смертельный Удар, распространяться не буду. Они еще не поверили своим глазам, но уже отвалили челюсти.

– Экстаз... – сиплю я в коротком промежутке между двумя судорожными вдохами. И впрямь экстаз – дышу! Жив!

Мои ребята наготове, и все же им требуется полсекунды, чтобы понять, что на этот раз все всерьез, игра пошла ва-банк. Вслед за тем воздух в раздевалке наполняется летаю-

щими предметами.

С грохотом рушится тяжелый шкаф, перегораживая дверь в коридор. Еще один валится поперек двери, ведущей в душевую, где шумит вода и кто-то по-лошадиному фыркает под струями. Пусть пофыркает взаперти. Теперь не так-то просто попасть в раздевалку МЕХАНИЧЕСКИ, а от телепортации есть средство – не очень надежное, правда, всецело зависящее от ловкости рук: ЗАНЯТЬ ПРОСТРАНСТВО. Чем угодно, вплоть до пуха из распоротой подушки (жаль, что подушки нет, – но обойдемся). Раздвинуть собой при выныривании молекулы воздуха – это тривиально, раздвинуть предметы – практически невозможно. И уже через секунду-другую после моего появления вынырнуть из Вязкого мира в нашей раздевалке становится просто НЕГДЕ.

Разлетаются выдранные с мясом дверцы личных шкафчиков, к потолку взлетают вороха одежды, полотенца, обувь, какой-то неопознанный хлам... Порхают полосатые бумажки – эксменские деньги из безжалостно опустошенных Динамитом карманов. Взвивается в воздух урна, крутятся волчком и рассеивая содержимое. Забыв о травмах, вскакивает на ноги Витус Смертельный Удар, пытаюсь понять, что тут вообще происходит. Орут и бестолково мечутся служители – эти уже поняли. Один из них, тот самый брат Бамбука, с воплем бросается к двери, пытается оттащить в сторону шкаф, который ему явно не по силам. Вот дурень.

Набежавший Тамерлан хватается за него в охапку и швырком

отправляет в полет через всю раздевалку. Вовремя: дверь крикает под ударом с той стороны, затем длинная автоматная очередь рубит ее в щепки. Тамерлан умница – не только спас дурня, но и сам успел уйти с линии огня.

– Лови! – орет мне Гойко.

Ну разумеется! У Молотилки великолепный нюх на опасность, куда лучше моего. Разумеется, чуть только за мной закрылась дверь, он на всякий случай сделал одну очень простую вещь: незаметно вынул из тайника некий предмет и держал его при себе.

Он очень занят, заполняя кубатуру раздевалки порхающим в воздухе тряпьем, но бросок его точен.

Оп. Поймал.

Больше всего этот предмет похож на детскую пустышку, предназначенную для детеныша гигантопитека. Мне в самый раз. Она и делалась специально для меня, эта вещица, второй такой нет ни у кого. Конечно, можно было спереть и тайно хранить обыкновенный дыхательный аппарат для Вязкого мира – с прозрачной маской и баллончиком в заплочном контейнере, – но куда надежнее прятать то, что при невнимательном осмотре сойдет за дурацкий сувенир.

Правда, встроенный в «пустышку» баллончик с дыхательной смесью совсем крошечный и вдобавок размещен вместе с редуктором в ротовой полости дышащего, что не улучшает настроения, – в случае взрыва сто атмосфер разнесут голову в брызги. К счастью, сейчас мне некогда думать об этом.

Пусть смесь содержит аж сорок процентов кислорода (не сжечь бы легкие!) – все равно ее хватит в лучшем случае минут на пять. Вот об этом подумать следует. Сколь ни тужься, пять минут в Вязком мире – это прыжок от силы метров на двести, после чего придется выныривать. Этот прыжок надо сделать с умом...

Трещит изрешеченная дверь – ее высаживают. Порхают тряпки. Второй служитель, забившись в угол, прикрыв лицо руками так, что виден один распяленный в крике рот, тянет полное животного ужаса «а-а-а...».

Последний взгляд – уж простите меня, ребята, не на вас. На стены. Фиксация места нырка. Цепкость памяти и чувство направления – иных навигационных приборов для Вязкого мира еще не придумано. Именно эти два качества вырабатываются наставницами у юных сопливок на школьных занятиях по телепортации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.